№ 36 (75). Изд. „МОСПОЛИГРАФ". Цена в Москве, в провинц. и на ст. ж. д. 15 к.

ОГОНЁК

ХРИСТИАН ГЕОРГИЕВИЧ РАКОВСКИЙ

председатель Союзной делегации, подписавшей Советско-английский генеральный договор.

Фот. В. И. Микулина.

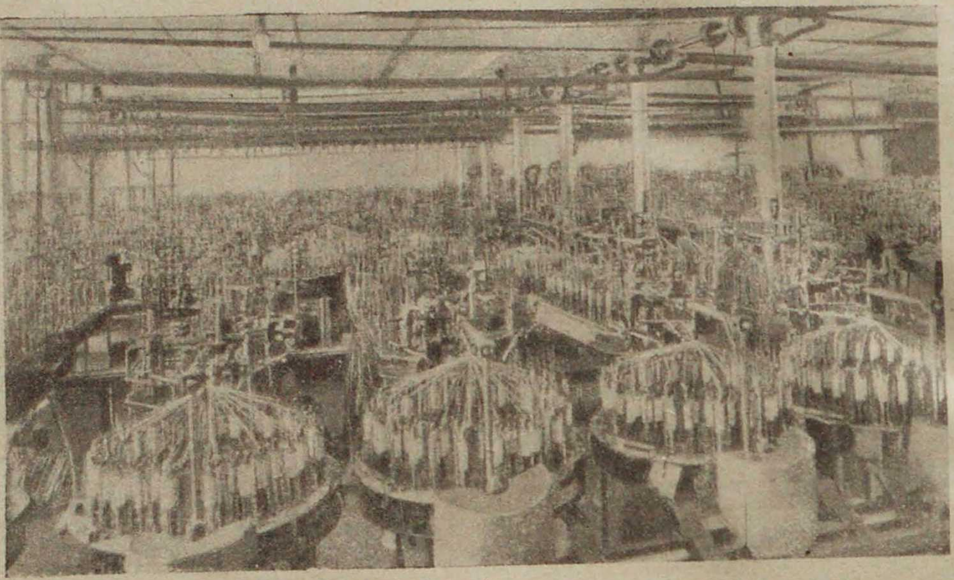
МОСКОВСКАЯ КРУЖЕВНАЯ ФАБРИКА „ЛИВЕРС“.

БЫВШ. ТОВ. МОСКОВ. КРУЖ. Ф-КИ.

Фабрика «Ливерс»—единственное в Республике предприятие по выработке тонких сортов кружев, до войны данная ф-ка находилась в ведении иностранных фирм, лишь последние годы войны на ф-ке организовалось паевое Т-во, в которое вошли пайщики с преобладающим русским капиталом.

В годы войны кружевная ф-ка пополнилась вязальными машинами. Самый переломн. момент в жизни предприятия,—начало 1919 года, момент ее национализации, если в 1918 году на ф-ке работало 1279 чел., выпустив за год 4.041 пуд товара то 1919 год, год тяжелых переживаний Республики, когда кружева всякого сорта были роскошью, когда рабочий ходил раздетый и краснoармеец без обмундирования, вырабатывать кружева было бы преступлением и кружевного производства не существовало, машины останавливались одна за другой. Басонные машины (плетение кружев) перешли от выработки кружев на выработку бельевой тесьмы и шнура для казенного белья, вязальное отделение, остановившись с начала 1918 года, вновь начало выработку казенного белья, а к имеющемуся оборудованию было организовано швейное отделение—рабочей же силы осталось 1000 чел. Дальнейший 1920 год дал еще больше изменений как в производстве, так и в рабочей силе, которой осталось лишь 600 человек; ликвидация фронтов в половине 1921 года и наступающая новая экономическая политика, постепенно возвращает ф-ку к своему основному производству кружев, с июля месяца данного года работает часть кружевных машин, выбросивших на рынок к концу года до 150 пудов кружевного товара, рабочая же сила осталась в числе 450 человек.

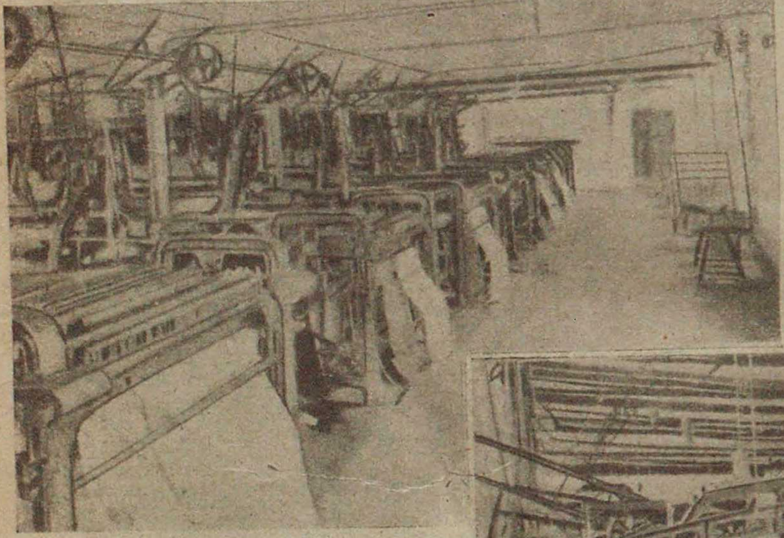
Особое развитие кружевного производства на данной ф-ке за счет ликвидации выполнения работ по казенному заказу, так же ликвидации вязального отделения в 1922 году дали возможность, не увеличивая рабочую силу, выбросить на рынок уже 1500 пудов товара, в то время оборудовав на ф-ке ткацкое отделение по выработке миткаля для переработки его в шитье. 1923 год все более и более расширяет кружевное производство и за годичный период ф-ка выработала 4.075 пуд., имея рабочих вместе со служащими 557 человек, передав своему тресту (Мострикоб) товаров в золоте на сумму 2.315.000 руб., закончив операционный год при сальдо на 1-е января 1923 года 13.131 рубль, получив от треста кредит за период январь—ноябрь 1923 года 553.499 руб.—ф-ка имела сальдо на 1-е декабря 1923 года 1.726.115 руб.,—работая при нагрузке к общему количеству годных машин 40,6%. В данное время ф-ка постепенно расширяется путем пуска незагруженных машин и частичного перехода на работу в две смены. В настоящее время ф-ка производит выработку тонких сортов кружев, как-то: *Малин*, *валансьен*, *бретон*, *брабант*, *ринг-патерн*, *тюль* и *шитье*—в качестве, неуступающем заграничному, а также басонно-плетильные кружева, как самого ходового и дешевого товара.



Ленточные машины: Альпак заправляются на 4/2 пряжи; А[illegible] 32/2 пряжи. Требуется на заправку шпуль: маш. № 53—53 шпули, на № 49—49 шпуль, на № 57—57 шпуль. Кружевные машины 3-х и 4-хшпульные: 24/2 бум. на заправку № 4 уток 16/12 основ, № 5 уток 20/14 основ, № 8 уток 32/20 основ. Нитяные кружева: 24/2 ниток ленты 2-хшпульн. На заправку требуется шпуль, № 24 уток 48/4 основ и № 30 уток 60/4 основ. (Для основ ставить колич. шпуль согласно рисунка.) Ленточная машина вырабатывает в день 140 аршин, кружевная 2-х и 4-хшпульная, 72 аршина.

Постепенным увеличением производства, в подборе рисунков, в количестве выпускаемых изделий ф-ка подходит к мирному времени.

Ф-ка работает с трестом на договорных условиях (соглашениях) и должна передать тресту по обусловленной цене за июнь и июль месяцы кружев в количестве 282.704 куска и разного другого товара 2.172.424 аршина, что безусловно и будет выполнено, для чего потребуется переработать пряжи около 1.400 пуд. Вырабатываемые ф-кой продукции товара имеют свой спрос, так выработка за май месяц данного года на сумму около 185.000 руб. — трестом полностью реализовано.

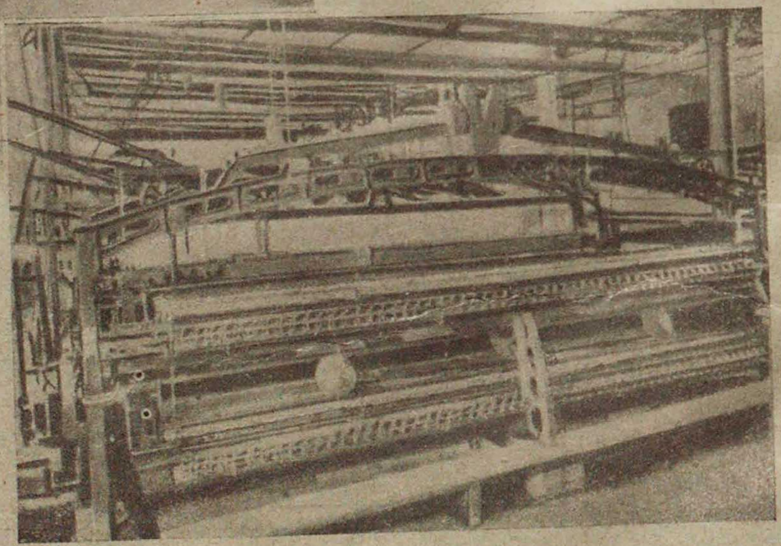


Навоев от 2 до 160. Кусок товара в 48 арш. вырабатывает в 1 день. Класс маш. 9 пойнт, 224". 160 бердечен, 4000 челн, до 10 000 ниток.

Тонкие сорта кружев вырабатываются из пряжи от № 60 до 180 включительно, перебои в снабжении данной пряжей вызывают простои машин, указанных №№ пряжи требуется в месяц до 150 пуд. Русские прядильные ф-ки не вырабатывают пряжу свыше 80-го №, попытка Богородско-Щелковского треста отработать 140-й № пряжи не дала положительных результатов, пряжа оказалась не пригодной, так что как ранее, так и в данное время закупка тонких №№ пряжи производится заграницей. Старый состав правления треста не обращал должного внимания на ф-ку и всячески стремился свести ее производство на нет, как пример служит, что трест принял ф-ку, на которой имелся запас пряжи в количестве 1.372 пуд. от № 60/2—180/2 включительно, полуфабрикатов и готового товара на сумму 654.000 руб. по ценам 1913 г., а на февраль месяц 1924 года при передаче старым правлением новому составу треста, пряжи на ф-ке имелось этих номеров 243 пуд. 25 ф., лишь обновленный состав правления, развертывая свою коммерческую и производственную деятельность, обратил внимание на ф-ку «Ливерс», которая хотя в данное время и имеет запас пряжи слишком огрниченный но выполняемые Аркосом заказы треста заграницей в получении пряжи тонких №№ в количестве 600 пуд., даст возможность с начала сентября месяца работать без перебоев до 6-ти месяцев.

Количество рабочих и служащих в настоящее время 660 человек, процентное отношение служащих к рабочим 10%.

Переход в работе от норм к простой сдельщине дает возможность для рабочих большего заработка в среднем заработок увеличился при простой сдельщине до 15% против работ по норме с переработкой, средний разряд для рабочих по всей ф-ке равен 5½ разряду, т. к. большинство работниц получает по 4-му разряду, лишь ткачи кружевных машин идут по 9-му — 10-му разряду. Ф-ка в настоящее время имеет нагрузку к количеству годных машин в 48%. С 15-го же августа при переходе работ некоторых отделений в две смены, загрузка выразится около 70%. Техническое оборудование ф-ки вполне отвечает современной технике, полностью электрифицировано, пользуясь городской энергией в своей силовой установке имеет 230 моторов, равных по силе 632.57 л. с., а отопление корпусов и обслуживание некоторых отделений, как отопление и жилых помещений, проходят через два паровых котла. Запасы топлива на ф-ке имеются до зимнего периода, котельные работая на дровах с зимы переходят на уголь. На территории ф-ки имеется 13 владений для жилья рабочих, но жилищная нужда не изжита, в данное время одно из освободившихся производственных помещений, ремонтируется для жилищ, которое даст помещение для 22-х семей. Всего из общего числа рабочих и служащих проживая во владении ф-ки 400 челов; общее число их с семьями всего 880 человек. В данный строительный сезон производится различный ремонт, как производственных отделений, некоторых технических оборудований и жилищных помещений всего на сумму 25.000 р.



Машина-автомат. Работает в один день 1 кусок, 29 полос. по батисту=27 арш. Длина маш. 14 арш. Батист на машину 13½×2=27 арш.

При ф-ке имеется школа *Фабзавуч* на 69 человек, из них работают на производстве 37 человек, а с 15-го августа подготовительная группа *завуча* в количестве 28 человек вся идет на производство. Нужно сказать, что кружевников специалистов слишком ограниченное количество, работа ткача-кружевника требует не только физических затрат, но и долгого навыка, самостоятельная работа ученика может быть не менее как через 3—4 года его ученичества. При ф-ке имеются детский сад и ясли в общем на 120 детей, отряд пионеров и ячейка РКСМ, как и детский сад, в летний период были в колонии, часть расходов несло предприятие. Большую работу ведет организация женщин, фабком через свою культкомиссию удавлетворяет требова-

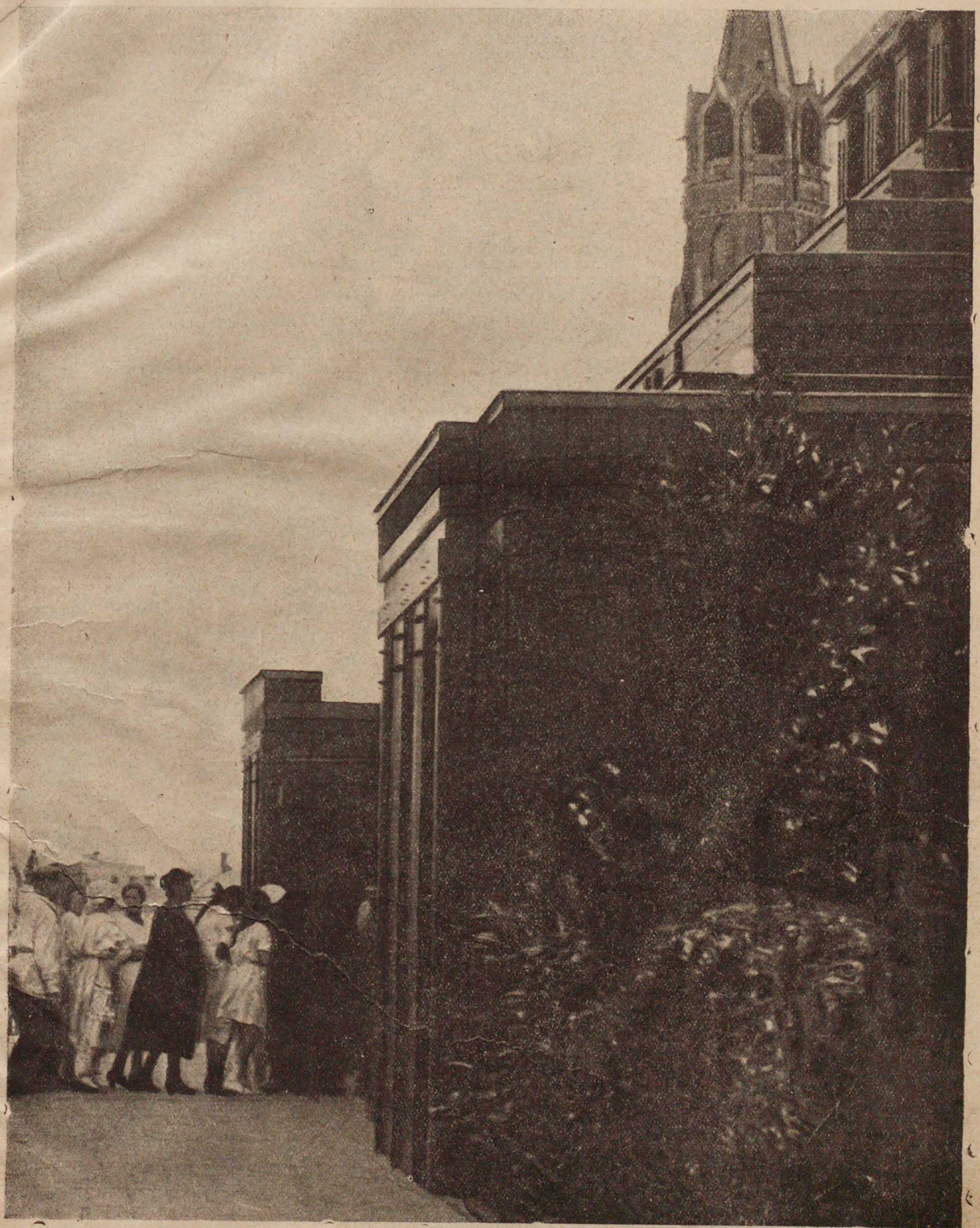
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

№ 36 (75). 31-го августа 1924 г.

У ВЕЛИКОЙ МОГИЛЫ.

Фот. В. П. Микулина.



Ежедневно тысячи рабочих и работниц посещают Мавзолей В. И. Ленина на Красной площади.

Из поэмы „АЗИАТЫ“

Александра Жарова.

А было так:
со всех сторон
Москву оцепит вечер.
Займет один, другой район
И над Замоскворечьем
Развесит месяц синий чуб;
Косится пьяной рожей
Туда, где комсомольский клуб,—
Дворец
Рабочей Молодежи!...

Я знаю:
Месяц удивлен,
Он смотрит возмущенно
На то, что к мрамору колонн
Пригвождены знамена!

Что в синем омуте зеркал—
Совсем не то, что прежде:
Простых парней он увидал
В поношенной одежде!

Он видел тысячи миров;
Но для него новинка,—
Что топчут теплый мех ковров
Рабочие ботинки.

О, месяц, месяц!
Как ты хмур...
От горя не состарься!..
Затмила множество гравюр,
Одна гравюра—Маркса!

И, вместо множества картин
С пейзажами заката,
С граненых стен глядят вожди
В лозунгах и плакатах!

Сквозит между стволов колонн
Иному миру слава,
И звон сердец, и песен звон,
И буйных глаз орава.
О, месяц! Как ты возмущен...
Спроси: где взяли право

Наполнить гомоном дворец?..
И сказанет людой малец:

Его построил мой отец.

Александр Жаров.

ДВА СЧАСТЬЯ

Рассказ *Н. Шаповаленко.*

— Герой — этот тот, кто велик сердцем.

1.

26 февраля 1881 г.

Совещание кончилось поздно. Первым ушел Рысаков. Немного спустя Михайлов. Остались: Перовская, Желябов и хозяин квартиры, студент Гриневицкий.

В тесной комнате с наглухо завешенным окном было жарко и душно. Горела лампа под синим абажуром. На столе стоял потухший самовар и два стакана с недопитым чаем.

Гриневицкий ходил из угла в угол, по привычке нервно вскидывая головой. Желябов курил, развалясь в кресле. Перовская сидела в тени на кровати и смотрела, не отрываясь, большими, светло-серыми глазами на ярко освещенное лицо Желябова.

Молчали. Решение было принято окончательно. Все думали о предстоящем, которому должны были отдать себя, жизнь. И потому каждый понимал другого без слов.

Наконец, Желябов бросил папиросу:

— Пора, Соня!

Перовская встала, поправила белый воротничек, начала одеваться.

— Ну, Котик,—обратился Желябов к Гриневицкому,—значит, завтра ровно в девять на Тележной у Геси.

Гриневицкий кивнул головой.

— Техник прочтет вам, метальщикам, лекцию о пользовании снарядами. Я думаю, что метательными снарядами мы скорее достигнем успеха, чем подкопами. Вспомните Одессу, Александровск, Москву, подкоп в Зимнем дворце. Все они сорвались.

Гриневицкий снова кивнул головой.

Желябов с силой ударил по столу кулаком:

— На этот раз смертный приговор над царем должен быть приведен в исполнение.

— Он будет исполнен, Тарас!—ответила Перовская.

Желябов широким жестом откинул назад прядь волос.

— Партия Народной Воли была вынуждена вступить на путь террора. Мы представили правительству свои требования: покончить самоуправство и возвратить народу его естественные права. На эти требования правительство ответило казнями...

— Такими возмутительно-несправедливыми,—прошептала Перовская,—как казнь Квятковского.

Желябов продолжал, повышая голос.

— Шесть неудавшихся покушений не образумили царя. Так пусть же он понесет справедливое возмездие: он достоин его!

— Мы все готовы быть исполнителями приговора!—воскликнул с энтузиазмом Гриневицкий.

В прихожей резко зазвенел колокольчик...

Все разом переглянулись. Желябов предостерегающе поднял руку.

— У тебя спокойно, Котик?—спросил он Гриневицкого.

— Да...

— Главное, не горячитесь. Котик, посмотри осторожно, кто стучит. Соня, туши лампу...

— Будем защищаться,—добавил Желябов,—вытаскивая револьвер.

Перовская задула лампу. Гриневицкий ощупью вышел из комнаты...

Прошло несколько минут.

— Кто там? — донесся из прихожей оклик Гриневицкого.

За дверью зашумели. Щелкнул замок. Тишину неожиданно нарушил громкий мужской голос:

— Здесь живет Ельников?

— Да, — ответил Гриневицкий, — я — Ельников.

— Вам письмо. Получите.

Щелкнул замок.

— Ложная трево га,—объявил Желябов, пряча револьвер

Перовская зажг лампу. В дверя стоял Гриневицкий, с недоумением вертел в руках розовый конверт.

— Не понимаю, от кого?.. Один... Живу нелегально... По чужому паспорту.. Ельникову.. Да... Странно... Очень странно...

Разорвал конверт Внутри лежала записка.

— Дорогой,—прочел вслух Гриневицкий,—я в Петербурге Решилась. Твоя на веки Л.

На бледных щеках Перовской выступили два красных пятна.

— Мужчина,—произнесла она медленно, глядя в упор во вспыхнувшие глаза Гриневицкого,—рядом с политической деятельностью не должен отводить места чувству любви к женщине. Иначе он не революционер,...а бабник...

— Это недоразумение!—перебил Гриневицкий и сунул скомканное письмо в карман.

— В такой момент,—продолжала Перовская,—нельзя думать о личном сча стьи...

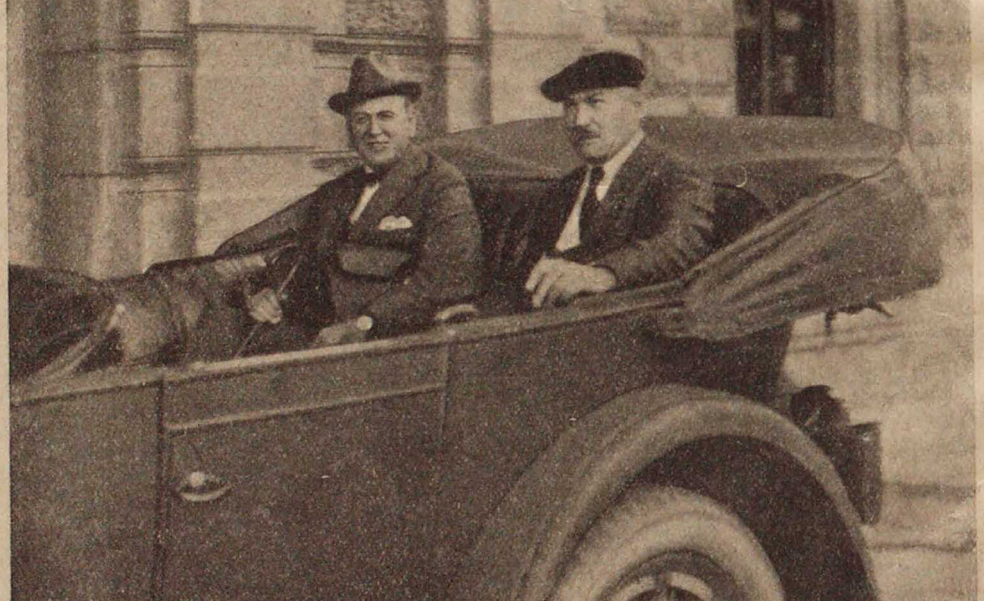
— Личное счастье? Я презираю е Для меня... мое счастье неотделимо счастья народа...

Гриневицкий тряхнул несколько г головой и зашагал по комнате.

Желябов остановил его.

СОВЕТСКО-АНГЛИЙСКИЙ ДОГОВОР ПОДПИСАН.

Фот. В. П. Микулина.



Х. Г. Раковский и А. Л. Шейнман прибыли в Москву после подписания генерального договора с Англией.

— Полно, Котик, мы верим тебе. Ты честно исполнишь революционный долг. Но смотри, не погуби нечаянно великого дела. Были примеры. До полиции дошли кое-какие слухи... Это письмо мне тоже не нравится... «Я в Петербурге... Решилась». Подозрительно... Пахнет слежкой...

В прихожей Желябов еще раз напомнил Гриневицкому:

— Будь осторожен... Ты человек увлекающийся...

Вышли благополучно.

На улице чувствовалась ранняя весна. В белесоватом вечернем небе дрожали одинокие звезды.

Перовская жадно вдохнула свежий воздух и пошла рядом с Желябовым. Сначала глаза ее пытливо вглядывались в каждого встречного. Потом, успокоившись, она перевела взгляд на Желябова. Он шел уверенной походкой, гордо подняв голову с окладистой бородой. Что-то смелое и властное было в его могучей фигуре, в острых глазах.

— Ты давно так не говорил, как сегодня,—сказала тихо Перовская.—Я верю в успех, потому что ты с нами.

Желябов расправил бороду.

— Совсем забыл,—произнес он озабоченно.—Приехал с юга Тригони. Надо зайти к нему непременно.

Перовская нерешительно дотронулась до руки Желябова.

— Послушай, Тарас... Поздно... Проведи вечер дома... Со мной...

— С тобой, Соня?

— Да.

Желябов посмотрел на небо.

— Ну, пожалуй. К Тригони пойду завтра.

Перовская сжала его руку.

— Спасибо, Тарас!

Ночью Гриневицкий сидел один и торопливо писал:

«Александр II должен умереть. Дни его сочтены. Мне или другому придется нанести последний удар, который гулко раздастся по всей России. Он умрет, а вместе с ним умрем и мы, его враги, его убийцы. Это необходимо для дела свободы»...

Гриневицкий откинулся на спинку стула. Задумался. Машинально вынул из кармана письмо. Расправил его. Пробежал глазами ровные строки букв. От бумаги шел сладкий запах духов.

— Недоразумение! — произнес вслух Гриневицкий. Потом разорвал письмо, тряхнул головой и написал большими буквами наверху листа:

„Мое завещание товарищам".

Подумал и стал продолжать:

«Судьба обрекла меня на раннюю гибель. Я не увижу победы, не буду жить ни одного дня, ни часа в светлое время торжества, но считаю, что своею смертью сделаю, что должен был сделать».

Заключение англо-советского договора.

Русс-Фото.

Английская публика в ожидании выхода советской делегации по окончании подписания договора.

Заключение англо-советского договора

Русс-Фото.

Английский премьер Рамзей Макдональд и товарищ министра иностранных дел Англии Артур Понсонби при выходе из министерства иностранных дел в Лондоне после подписания англо-советского договора.

2.

27 февраля.

День пролетел в лихорадочной работе.

С раннего утра Гриневицкий находился на конспиративной квартире Геси Гельфман. Собрались все метальщики. Слушали лекцию Кибальчича. На обеденном столе лежали чертежи, склянки с кислотами, части снаряда, инструменты.

Кибальчич говорил тихим, серьезным голосом:

— В течение последних лет мною было представлено Центральному Исполнительному Комитету несколько типов метательных снарядов. Данная форма усовершенствована лишь в самое последнее время.

Прищурил глаза, бросил рассеянный взгляд в сторону.

Гриневицкий нетерпеливо кашлянул.

— Сущность устройства снаряда,—продолжал Кибальчич,—состоит в том, что оловянный груз, надетый на стеклянную трубку, наполненную серной кислотой, в момент удара снаряда о какую-нибудь поверхность разламывает трубку. Серная кислота, вытекая, зажигает прикрепленный к трубке стопин. По стопину огонь передается к запалу с гремучей ртутью, которая, взрываясь, сообщает взрыв патрону. От него взрыв передается гремучему студню... Теперь нам предстоит познакомиться подробно с деталями...

Кибальчич долго и много чертил, делал расчеты, опыты.

— Завтра,—сказал он в заключение,—будет закончен пробный снаряд. Мы произведем опыт его годности. Прошу всех присутствовать... Впрочем я лично не придаю большого значения метательным снарядам.

Л. Б. Каменев на Кавказе.

Фот. для «Огонька»

Л. Б. Каменев среди закавказских работников.

Они могут служить только, как помощь основному удару...

Эти слова вывели из терпения Гриневицкого. С самого начала лекции он был недоволен ее отвлеченностью и сдерживал себя до последней минуты.

— Я верю только в метательные снаряды—перебил он лектора.

Кибальчич прищурился.

— Я говорю, как специалист-техник.

— Можно подумать, что мы находимся не на собрании революционеров, а на лекции старого немецкого профессора. Дайте нам достаточное количество метательных снарядов. Мы сделаем дело. Я ручаюсь за успех. Ру-ча-юсь!

— Тарас тоже за снаряды!—подтвердили остальные метальщики.

Когда смолкли возбужденные голоса, Кибальчич произнес спокойно:

— Все же я считаю иллюзией покушение на царя посредством одних метательных снарядов...

Днем вели наблюдение за выездом царя.

Все произошло, как обычно. В половине второго царь проехал из Зимнего дворца в Летний сад. Через час его карета пронеслась к Михайловскому дворцу. Там царь пробыл около часа. Домой возвратился по набережной Екатерининского канала.

При повороте на набережную кучер сдержал лошадей. Карета медленно проехала мимо наблюдателей.

— Вот удобное место,—шепнула Перовская Гриневицкому.

Он кивнул головой...

Остаток дня Гриневицкий провел в тайной типографии. Срочно набирали прокламации и очередной номер Народной Воли.

Зашел Исаев. Сообщил, что на Малой Садовой на пути царя с воскресных парадов—готов подкоп. Остается подвести мину.

— О подкопе не говори никому,—добавил он таинственно. — Сегодня за Саблиным гнались полицейские по всей Садовой. Едва ускакал на лихаче. Полиция готовит что-то. Метальщики не должны знать о подкопе. Особенно этот Рысаков...

— Я умею скрывать партийные тайны!—ответил резко Гриневицкий,—за Рысакова же ручается Тарас...

Домой Гриневицкий возвращался поздно. От усталости едва шел. Болели руки и ноги. Смыкались веки глаз.

— А о вас, барин, наведывались,—протянул с хитрой усмешкой дворник в воротах.

Гриневецкий вздрогнул.

— Да-с. Два раза приходили. Спрашивали-с.

— Кто?

— Не знаем-с. Не говорили.

— Уйти или нет?—пронеслось в голове Гриневецкого.—Уйти—возбудить подозрение. А вдруг в квартире засада?

— Что же вы? Пожалуйте-с. Пора запирать.

Гриневецкий сделал шаг вперед. Тотчас за его спиной с шумом захлопнулись ворота.

— А, была не была!—решил Гриневецкий,—все равно не убегу,—едва волочу ноги.

Поднимался по лестнице осторожно, готовый на каждом повороте столкнуться с полицейскими.

Все было спокойно.

Отпер дверь, вошел в квартиру, опустился на диван и сказал:

— Отдохну немного и уйду.

И сразу заснул крепким сном.

3.

28 февраля.

До Смольного ехали на конке. Снаряд вез Кибальчич. Завернул в узелок и держал на коленях.

По дороге пристал подозрительный субъект, от которого сильно пахло водкой.

— Ишь ты! За город? Масляную справлять. От меня не скроешь. Я эти самые дела за три версты чую.

Кибальчич повернулся к субъекту спиной.

— Да ты не отворачивайся. Все едино: знаем. Что у тебя в узелке? Бу-ты-лочка! Ну, покажь, коль вру? Покажь? Покажь?..

Потянулся к снаряду. Гриневицкий встал перед Кибальчичем.

— Эй, откуда вырос! Что надоть? Отвечай, черт! Что рыло то задираешь. Убирайся! Слышь, узелок, где ты? Езжай ко мне на Охту. Я тебе самый товарищ, потому всю масленую, можно сказать, в запое нахожусь. Тьфу, ты чертова курица! Да что ты, дьявол, торчишь, как кол, передо мной? Э-э, брат, постой! Я тебя, кажись, знаю... Не ты ль у меня вчерась на Вознесенском в пивной часы спер?..

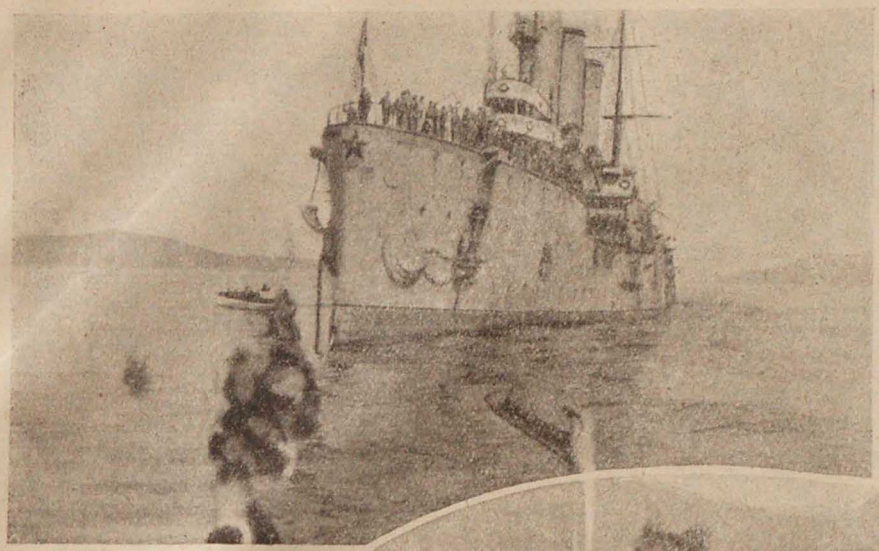
Г. Е. Зиновьев на Кавказе.

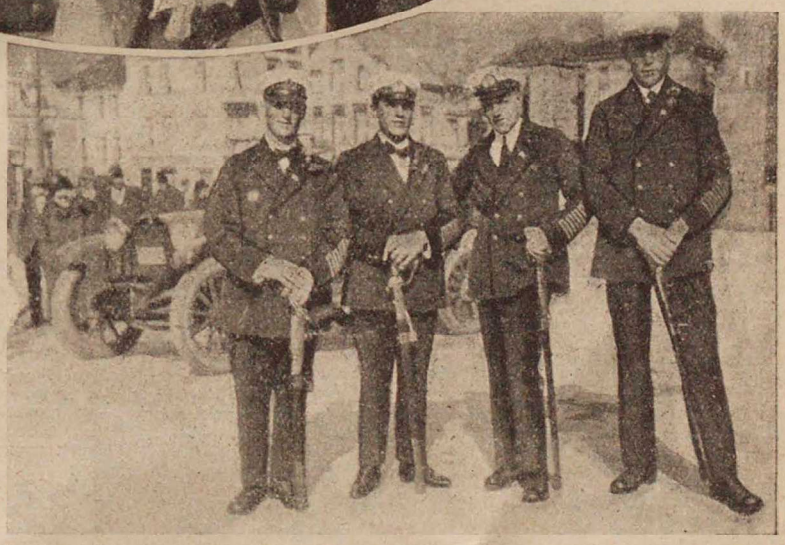
От пятигорского корр. «Огонька». Фот. Коломенский.

Группа членов Ленинградского Совета с Г. Е. Зиновьевым и Демьяном Бедным на Красных Камнях в Кисловодске около скульптуры «Голова Ленина».

Советский флот в Норвегии.

Русс-Фото.





Два крейсера, знаменитая «Аврора» и «Комсомолец» посетили Норвегию, порт Берген. Встретившая Советскую эскадру полпред СССР тов. А. М. Коллонтай передала ордена Красного Знамени отличившимся красным морякам.

Наверху—крейсер «Аврора» подходит к Бергену.

Ниже—А. М. Коллонтай (с букетом цветов), выехавшая на катере встретить красную эскадру.

Внизу—командиры и комиссары крейсеров «Авроры» и «Комсомолец» на берегу Бергена.

— Нахал!—вспылил Гриневицкий, забывая осторожность,—Как ты смеешь?!

— Похож... Нет, брат, ты не брыкайся! Теперь разговор пойдет другой—Стой, кондуктор! Городово-ой!

— Уходи,—шепнул Кибальчич Гриневицкому

Соскочили с конки на ходу среди криков и полицейских свистков. Скрылись переулками. Успокоились только тогда, когда перешли по льду Неву.

Кибальчич сказал Гриневицкому:

— Переодетый шпик. За тобой слежка, Котик.

Гриневицкий кивнул головой:

— Я обратил внимание.

От Невы двинулись по направлению к лесу, обходя Охту, чтобы поменьше встречать людей. Ноги вязли в талом снегу; начиналась весенняя распутица.

Зашли далеко. Остановились. Место было пустынное. Со всех сторон стеной окружал лес. Кибальчич осторожно развязал сверток, вынул снаряд, осмотрел и передал Михайлову.

Разбежались. Михайлов размахнулся и швырнул далеко от себя снаряд. Раздался взрыв. Облако серого дыма взвилось к небу.

Сбежались. Кибальчич долго рассматривал остатки снаряда.

— Опыт дал удовлетворительный результат—объявил он метальщикам.

Кибальчич прищурил глаза. Он снова был спокоен.

— Завтра узнаете постановление Центрального Комитета... Старайтесь не ходить *в такие места, где можно быть арестованным.* В подобные минуты аресты как-то возможнее.

Все ушли. Задержался один Гриневицкий.

— Хочу,—сказал он, прощаясь, Кибальчичу,—пойти в типографию докончить набор газеты.

— Иди домой, Котик,—раздалось за спиной Гриневицкого. Он обернулся и столкнулся с Перовской. Ее вид поразил его.

— Отдохни. Тебе надо быть сильным.

Она запнулась. Опустилась на стул.

— Дело в том, что арестован Тарас...

— Тарас?!—повторил Гриневицкий.

— На Садовой был обыск.—К счастью, кажется, ничего не нашли.

Она стиснула руки.

— Надо действовать как можно скорее. План Тараса должен быть приведен в исполнение во что бы то ни стало. Завтра же. Немедленно.

— Я готов!—сказал твердо Гриневицкий.

Заторопилась.

— Через час экстренное собрание Исполнительного Комитета...

Уходя пожала руку Гриневицкому.

— Дорогой Котик... береги себя...

Улицы были безлюдны и безмолвны. Серые массы домов угрюмо насупились. Город спал обычным тяжелым сном.

Гриневицкий шел и кричал про себя:

— Сонный, замученный, забитый народ—проснись! Великий день наступает. Готовься! Самодержавный тиран падает. Поднимайся! Мсти палачам!

Сердце Гриневицкого билось в восторге. Перед его глазами возникали яркие, волнующие картины. Взрыв. Царь убит. Он—освободитель народа. Его карающая рука уничтожила последнего деспота. Со всех сторон бежит народ. Все больше—больше. Тысячи—сотни тысяч. На лицах—радость, глаза горят, крики, пение. Вздымаются красные знамена. Революция! Вперед! К свободе!

— Только бы мне выпало счастье покон-

Вождь ирландских республиканцев де-Валера.

Русс-Фото.

Де-Валера впервые после своего выхода из тюрьмы, где он провел один год, выступил на днях на митинге в ирландском гор. Эннисе, на том самом месте, где год назад был арестован. Слушать де-Валера собралось около 20.000 чел. Де-Валера заявил, что республиканцы стоят за полную независимость Ирландии и никогда не согласятся на расчленение страны.

Только в сумерках вернулись на конспиративную квартиру Геси Гельфман.

Долго ждали Желябова. Рысаков нервничал, ворчал. Кто-то пришел. Вызвали в прихожую Кибальчича. Зашептались. Желябова все не было.

Наконец появилась Геся и объявила:

— Тарас не придет.

— Черт знает что такое! Издевательство!—воскликнул Рысаков. Мы ждем два часа!

Геся остановила его:

— Если Тараса нет, то значит, он занят.

Вошел Кибальчич.

— Надо разойтись, товарищи,—сказал он непривычно взволнованным голосом.—Соберитесь завтра утром. Предстоит большое дело.

— Покушение?—спросили в один голос метальщики.

Германская делегация на Лондонской конференции.

Русс-Фото.

16-го августа после заключительной церемонии закрылась Лондонская межсоюзная конференция. На нашем снимке—германская делегация во главе с председателем германским рейхсканцлером д-ром Марксом при выходе из министерства иностранных дел в Лондоне.—Третий слева—министр иностран. дел Германии Штреземан, крайний справа—министр финансов Лютер.

чить с царем,—страстно прошептал Гриневицкий и остановился. Внимательно осмотрелся кругом...

Симбирская улица. Он не заметил, как прошел весь длинный путь. Мертвая тишина.

— Береги себя, Котик,—прозвучали в его ушах последние слова Перовской.

Вспомнились подозрительные распросы незнакомцев у дворника, странное письмо, полученное недавно по почте, столкновение с пьяным в конке.

— Хитрят. Слежка.

Гриневицкий прошел мимо своего дома. Бросил незаметно испытующий взгляд: никого, ворота приоткрыты, потушены в окнах огни.

— Прочь,—решил Гриневицкий и снова остановился.

— А как же завещание, письма? В случае моего ареста завтра, все это попадет в руки полиции. Нет, необходимо забрать бумаги.

Повернул обратно. Заглянул осторожно в ворота. Спокойно. Вошел в подъезд. На лестнице было темно. Стал подниматься. Ощупью. Поднялся. Отпер дверь и вдруг заметил в углу площадки у окна притаившегося человека.

— Кто здесь?

Никто не ответил.

— Кто здесь?—повторил громко Гриневицкий.

На дворе застучали шаги. Человек зашевелился.

— Закричит. Выдаст,—пронеслось в голове Гриневицкого.

Он бросился вперед, втолкнул незнакомца в свою квартиру, запер дверь.

— Малейшее движение и я убью тебя,—прошептал он в темноту..

Шаги приближались, простучали мимо двери, поднялись выше, замерли.

Гриневицкий вздохнул с облегчением.

— Вот как ты меня принимаешь! —протянул кто-то жалобно, по-детски.

Гриневицкий зажег лампу и чуть не выронил ее из рук. На полу, прижавшись к стене, горько плакала молодая девушка.

— Вот как, вот как,—твердила она,—вот как.

И сразу замолчала, взглянув на Гриневицкого. Ее глаза расширились.

— К-кто вы?

— Я - Ельников!

— Н-нет. Вы, вы—не Ельников. Нет. Вы, вы—другой. Вы не поручик Ельников.

— Я—Ельников.

— Вы?

— Да,—тверпроизнес Гриневицкий,—Что вам надо?

Она беспомощно прижала руки к груди.

— Я пришла к вам.

— Ко мне?!

— Да, то-есть нет, к поручику Ельникову.

— Говорите ясней.

— Я приехала... из Симбирска к тете.—Я—я думала, что вы, что поручик Ельников в Петербурге. В адресном столе мне сказали адрес... Ельникова, т.-е. ваш—я написала, чтобы предупредить—как мы условились.

— Ну?

— И вот—и вот—я убежала тайно от тети к вам, к Ельникову. Нет. Боже мой, какая ужасная ошибка! Она зарыдала, ломая руки.—Какая ужасная ошибка! Какая ужасная.

— Послушайте,—остановил ее Гриневицкий,—мне некогда допытываться, правда или нет ваша история. Знайте: Я—Ельников. Поняли: Ельников! Горе вам, если хоть один человек узнает о нашей встрече.

Он торопливо собрал бумаги, схватил пальто и фуражку.

— Сидите полчаса, не двигаясь, не произнося ни слова. Потом уходите на все четыре стороны. И молчите. Молчите, если вам дорога жизнь!

На улице, заворачивая в темный переулок, Гриневицкий улыбнулся.

— Кажется удачно. Тоже хороши наши: дали паспорт поручика. Черт знает, что такое! Хорошо, что сумел удрать.

4.

1-го марта.

В последнюю минуту пришлось перестроиться: царь изменил маршрут. Было ясно, что надежды на подкоп потеряны.

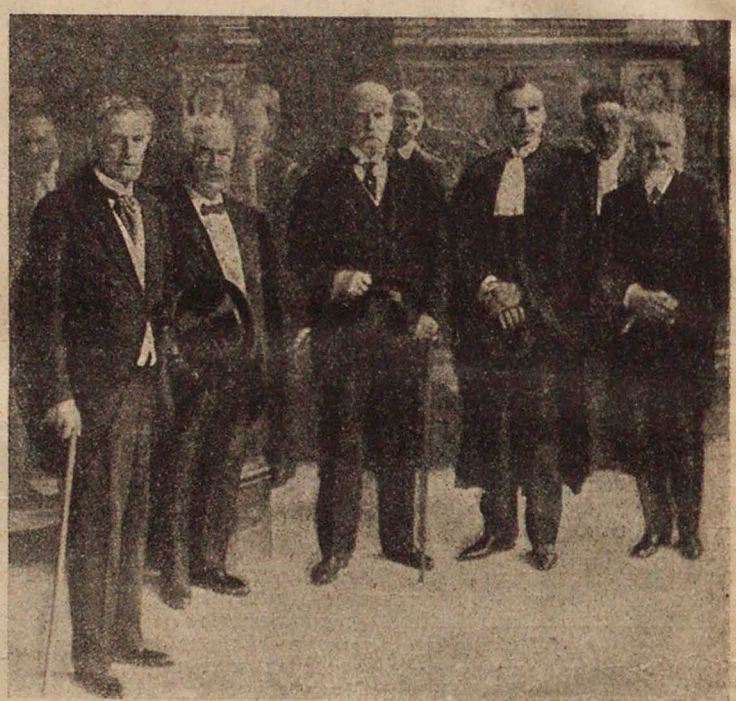
Оставались метальщики.

Гриневицкий стоял у решетки Екатерининского канала и ждал условленного сигнала от Перовской. Шагах в тридцати от себя он увидел Рысакова. На его руке висел узелок с бомбой.

На набережной канала было безлюдно. От Невского шел мальчик с корзиной на голове. Двое рабочих тащили кушетку. Спешила толстая женщина в платке. Шел военный фельдшер. У ворот сада стоял вахтер и лениво беседовал с дворником. До Гриневицкого доносились отдельные слова.

Америка и Франция против СССР.

Русс-Фото.



Во время пребывания Юза в Париже, он был приглашен на «банкет адвокатов». В Париже Юз успел расширить секретное соглашение между Францией и Америкой по отношению к СССР. Слева направо: Миро, Геррик, Мильеран, Юз, Фуркад и Пуанкаре.

Интернациональный конгресс желтых союзов горнорабочих.

Русс-Фото.

В Праге состоялся интернациональный конгресс горнорабочих, в котором приняло участие 122 делегата 13-ти государств. Революционные профессиональные союзы, примыкающие к Профинтерну, созвали в Гамбурге своих представителей.

— Нагнали полиции видимо-невидимо по всем улицам, а вот здесь поставить забыли. Порядки! Неровен час, сицылист подвернется.

— Что вы, Евграф Кузьмич? Зачем же здесь? По этим местам царь никогда не ездит.

— Во-первых—ездил, а во-вторых может поехать. Да вон, что это? Никак сам царь?

Гриневицкий повернул голову. С другой стороны канала Перовская махала платком.

Сердце Гриневицкого сжалось.

— Только бы удалось!

Из-за угла вылетела знакомая карета царя. Рысаков побежал. Раздался взрыв. Волна теплого воздуха слегка толкнула Гриневицкого.

Карета остановилась. Кто-то закричал, пронзительно-дико. Пронеслась обезумевшая лошадь. За ее гриву цеплялся окровавленный казак. Густой серый дым заволок набережную.

— Удалось!—сказал про себя Гриневицкий, сжимая трясущимися руками снаряд.

А кругом уже шумели бесчисленные голоса. Со всех сторон бежали испуганные люди. Перекликались тревожные полицейские свистки.

Дым рассеивался. Гриневицкий пошел вперед. Народ у кареты расступился, и он неожиданно увидел перед собой царя.

— Жив!—чуть не крикнул Гриневицкий.

Александр направлялся к саням. Впереди бежал полицмейстер. Гриневицкий остановился. Остановился и царь.

— Скорей!—приказал внутренний голос Гриневицкому.

Он утвердительно кивнул головой и со всей силы бросил снаряд между собой и царем.

Гриневицкий пришел в себя скоро. Он не мог двигаться. Приоткрыв уцелевший глаз, он сразу увидел то, что так страстно хотел увидеть. У решетки, возле искривленного фонаря полусидел царь, истекая кровью. Одежда и тело висели на нем кусками.

— Убит!—задыхаясь от счастья прошептал Гриневицкий...

Лиза Турцевич возвращалась с воскресного гулянья по дворцовой набережной. Сзади нее шла тетушка—генеральша Акимова и полковник фон-Шлиппенберг.

Возле Екатерининского канала их неожиданно окружила толпа. Скакали конные солдаты, бежали офицеры, визжали женщины и дети. Полицейские гнали народ.

Полковник фон-Шлиппенберг тоже побежал. Лизу и генеральшу прижали к решетке моста.

В толпе передавали ужасные вести.

— Покушение на государя! Злодеи бросили две бомбы! Одного поймали! Другой убит.

Потом все смолкло. Толпа расступилась. Мужчины снимали шляпы. Женщины крестились.

Проехали сани с царем. Он лежал, завернутый в шинели, на руках у офицера и двух казаков.

У Лизы на глаза набежали слезы. Ноги—затряслись от волнения. Вдруг толпа зарокотала, как море.—Убийца! Убийца! Злодей!

Лиза взглянула и застыла. Через возбужденную толпу медленно двигались сани, окруженные солдатами. В них лежал убийца. Ледяной ужас сжал Лизино сердце. Она вскрикнула и потеряла сознание...

— Да иди же ты! Иди!—твердила разгневанная генеральша, толкая Лизу.—Наказание с этими девицами!

— Не извольте волноваться, ваше превосходительство, — гудел полковник фон-Шлиппенберг, протискиваясь с дамами через толпу,—Сюда, прошу за мной. Туда нельзя: оцеплено войсками. Пройдем через Марсово поле. Прошу.

— Нет, милая моя, завтра же возвращаю тебя матери в Симбирск. Спасибо. Ты своевольная, капризная, испорченная девченка! Да иди же

Белый террор в Польше.

От варшавского корреспондента «Огонька».

Тов. ВикторБелый, член Варшавского Комитета Коммун. Партии Польши, убит Пилсудскими дружинниками в улице Лешно после митинга, который был собран рабочими.

Английские рабочие-студенты в Москве.

Фот. С. Тулеса.

Английские рабочие-студенты на заводе «Серп и Молот». В центре красный директор завода т. Калинина.

Английские рабочие-студенты в редакции «Огонька».

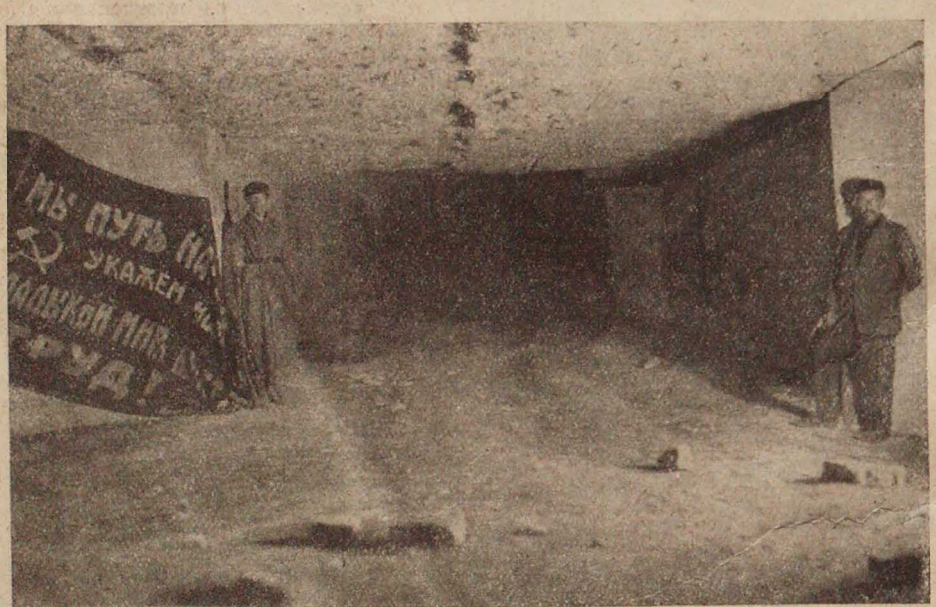
Где скрывались красные повстанцы.

От Керченского корр. «Огонька». Фот. Берштейн.

В дни белого террора в городе Керчи, в больших подземных каменоломнях скрывались подпольные работники - революционеры. Здесь в таких тяжелых условиях жило до 2-х тысяч человек, которые всячески терроризовали белых. В мае 1919 г. вся группа красных повстанцев выступила против белых. Английская эскадра, стоявшая в то время в Керчи, присоединилась к обороне белых, и, таким образом, белые подавили восстание. В эти дни было расстреляно и замучено белыми до 1650 человек. На днях был торжественно открыт памятник погибшим.

Где скрывались красные повстанцы.

Фот. Берштейн.



Вход в каменоломни, где скрывались повстанцы.

ты как следует, наконец! Нет, вы подумайте, полковник, что она вы вчера! Изволила одна, без горничной лять до двух часов ночи. Какова? До часов ночи и без горничной! По незнак мому городу! Вот как теперь воспиты вают в наших институтах. Да иди же Чего ты остановилась?

Лиза оглянулась по сторонам. Кругом возвышались ярко расписанные стены ма сляничных балаганов. Длиннобороды старики, белые клоуны, арлекины, шуты арапы строили со всех сторон уморитель ные рожи. Заливалась шарманка, звенел бубны, гудел барабан. Где-то близко смеялись бесчисленные голоса...

Лизе показалось, точно она проснулась после кошмарного сна. Ощущение безум ного счастья захватило ее всю.

— Никто никогда не узнает, что она была у убийцы. Никто никогда. Ее отпра вят домой, в Симбирск. Она свободна Спасена!

Лиза наклонилась к недовольному лицу генеральши и рассмеялась.

— Ах, ma tante, как я счастлива!..

Н. Шаповаленко.

1924 г.

СТИХОТВОРЕНИЕ

В. Наседкина.

В поле следы незнакомые.
С поля бежит тишина.
Новую песнь о соломе
Нам не пора ль начинать.
Дробные стуки бросая,
Вот он, взрывающий глушь!
Плачет, смеется босая
Русь, утопившая мглу.
Что ж, и какое ей дело,
Если кровавился путь?
Ныне с полей помертвелых
Нам удалось повернуть.
Тонкие дали прорезав,
Пейте закат и восток.
В царстве травы и железа
Будет ли кто одинок.
Будет ли место раздорам:
Брат мой индус и калмык.
В благословенных просторах
В общий сольемся язык.

В. Наседкин.

Село Грузино с реки Волхов.

Аракчеевская вотчина

Очерк *Л. М. Василевского.*

Среди обломков царской старины, в которых веет нашим проклятым прошлым, одно из важнейших мест занимает так наз. «Аракчеевская вотчина» в с. Грузине, Новгородской губ. Через несколько месяцев, в самом начале 1925 г. наступает, некоторым образом, аракчеевский «юбилей»—и это дает внешний повод остановиться на любопытном памятнике александровской эпохи.

Аракчеев был, повидимому, искренне и [illegible] рабски фанатично предан своему [illegible] гелю и другу, Александру I: по[illegible] в Грузине мелькает на фронтонах [illegible], его девиз в гербе, придуманный [illegible] дром: «Без лести предан»; впрочем, [illegible] времена многие ядовито переиначивают девиз в «бес лести предан».

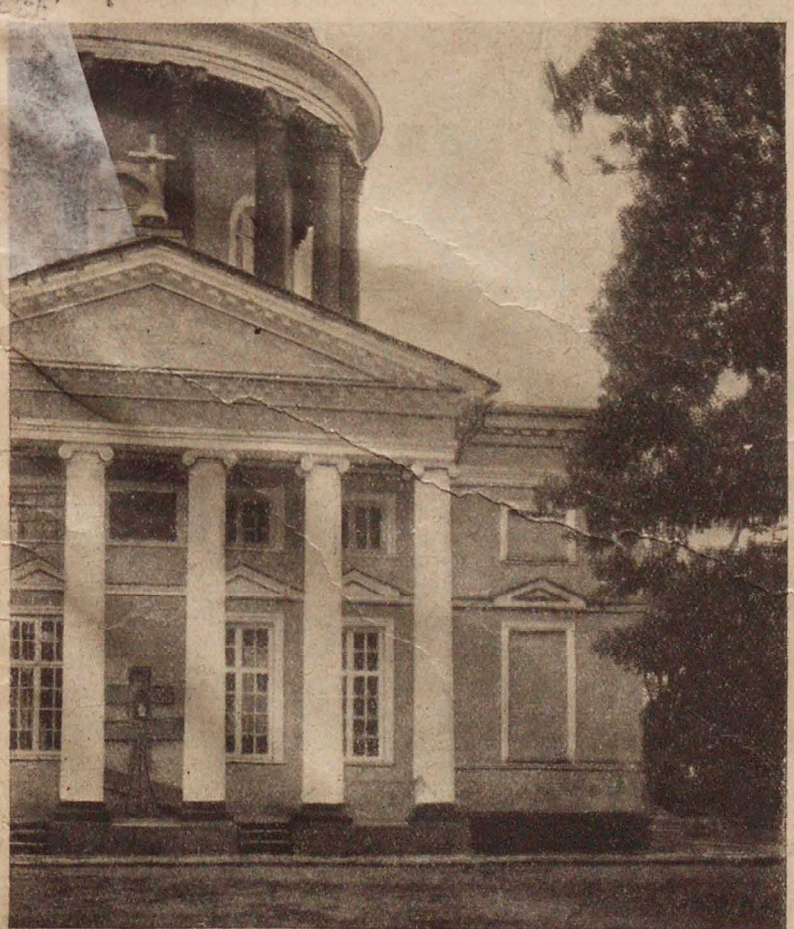
Смерть покровителя так потрясла Аракчеева, что он положил в госуд. банк крупный капитал с тем, что к столетию со дня смерти императора, в 1925 г., Академия Наук должна выдать возросший капитал автору наилучшей истории царствования Александра.

Об этом завещании Академия Наук вспомнила еще во время войны, в 1916 г., когда капитал достиг внушительной суммы в 840.000 р.; какова судьба этих денег, сейчас неизвестно. Но никому, разумеется, и в голову не приходит мысль о выполнении завещания.

С. Грузино до сих пор еще насыщено материальными памятниками аракчеевской эпохи: зимний и летний дворец, собор, чудесная колоннада Андрея Первозванного, остатки очаровательной, Елизаветинской по стилю, металлической ограды, поминальные вазы и статуи в столетнем парке. Еще любопытнее живой обломок прошлого, современница Аракчеева, Наполеона и Александра I крестьянка Анна Старшинова, родивш. в 1809 г. Я знал ее несколько лет тому назад еще бодрой, крепкой старушкой. За две версты из села она приходила в собор помолиться и оттуда одна без посторонней помощи — ко мне «чайку попить».

Она живо помнит «француза», помнит себя семилетней девочкой, крепостной на аракчеевском огороде, когда ее, случалось, секли за невыполненный «урок» и до сих пор еще сохранила чисто «женский» интерес к новой кофточке и к новому платочку на голове. Спокойно, неторопливо рассказывает она часами о столетней старине, о зверствах самого графа, его долголетней любовницы, жестокой, распутной и вечно пьяной Настасьи Минкиной.

Современница Аракчеева, Анна Старшинова. Родилась в 1809 г.



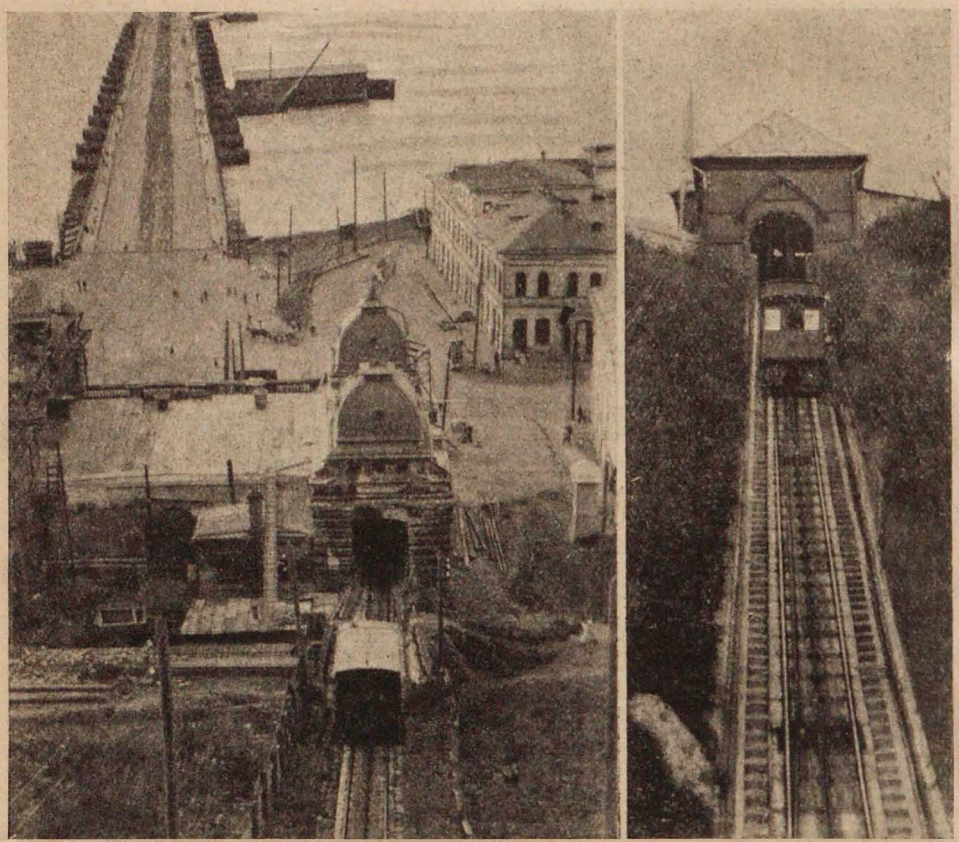
Собор в селе Грузине.

Интересна и гибель самой Минкиной «второй Салтычихи», как ее называли в народе. Жестокость этой женщины не имела границ, и под землей возле ее дома и домов ее приближенных—(мне как раз случилось жить в ее бывшем домике на т. наз. «Невском проспекте») в Грузине тлеет, по словам старожилов, много костей замученных ею крепостных девушек.

Однажды крепостная горничная имела «дерзость» подать ей слишком горячие

Под'емники в Нижнем-Новгороде.

Фот. В. П. Микулина.



Самый город Нижний-Новгород расположен над высокой приречной частью, в которой находятся пристань, вокзал и ярмарка.

Для облегчения сообщения устроен в двух местах под'емник-элеватор. Вагончики элеватора отправляются вверх и вниз каждые пять минут и быстро и удобно поднимают публику в центральную часть города.

щипцы для завивки, и барыня стала ими прижигать лицо и тело несчастной. Вопли истязуемой услышал ее брат поваренок на кухне, Василий, он бросился с топором и зарубил Минкину на смерть, расплатившись таким образом с нею за всех, кого она истязала и мучила. Последовала, разумеется, жесточайшая расправа: верный друг убитой, осиротевший граф, засек на смерть несколько десятков грузинских рабынь и рабов, с Василием, в первую очередь.

Не было пределов верному, дружескому сочувствию Александра I к горю, постигшему его верного рыцаря. И сам, и через архимандрита Фотия он в трогательных письмах старался его утешить, называя грязную и распутную пьяницу «великомученицей» и жизнь ее «подвигом». А холопская церковь поспешила причислить Минкину к «лику святых».

Впрочем, Аракчеев еще при жизни этой «мученицы» возвел ее в высокий божественный ранг: на одной из икон богоматери, имеющейся в соборе, лику богоматери придано явственное сходство с лицом Минкиной. «Благочестие» графа не помешало ему также поместить на другой иконе того же собора, слегка замаскировав это, лицо и фигуру императора, а на другом памятнике в том же Грузине красуется и его собственное лицо тупого вахмистра.

Сторожилы Грузина и ближнего села этого же имени до сих пор сохранили бездну любопытных рассказов из аракчеевских времен. В особенности живо среди них воспоминание о знаменитых «военных поселениях» (в Новгород. и в Харьков. губ.). Это был предел бездушной опеки, бесчеловечного издевательства, маньяческого педантизма и мелочности.

Для этих поселений круто и бессмысленно ломали все: в лютую стужу и в проливной дождь выкорчевывали леса, прокладывали дороги, посыпали щебнем, сносили даже часовни и кладбища.

Если раб, вернувшись вечером с поля, не сам уберет лошадь, а попросит соседа—порка, порка за малейший промах, за ничтожное проявление личности. Был у Аракчеева архитектор, некий Минута, он нещадно порол крестьян даже за то, что они исправно работали.—«Ты нарочно при мне работаешь, а как я спущу тебя с глаз—наверное лодырь лодырем». И свистала плеть, и полосовалось, заливалось кровью несчастное тело.

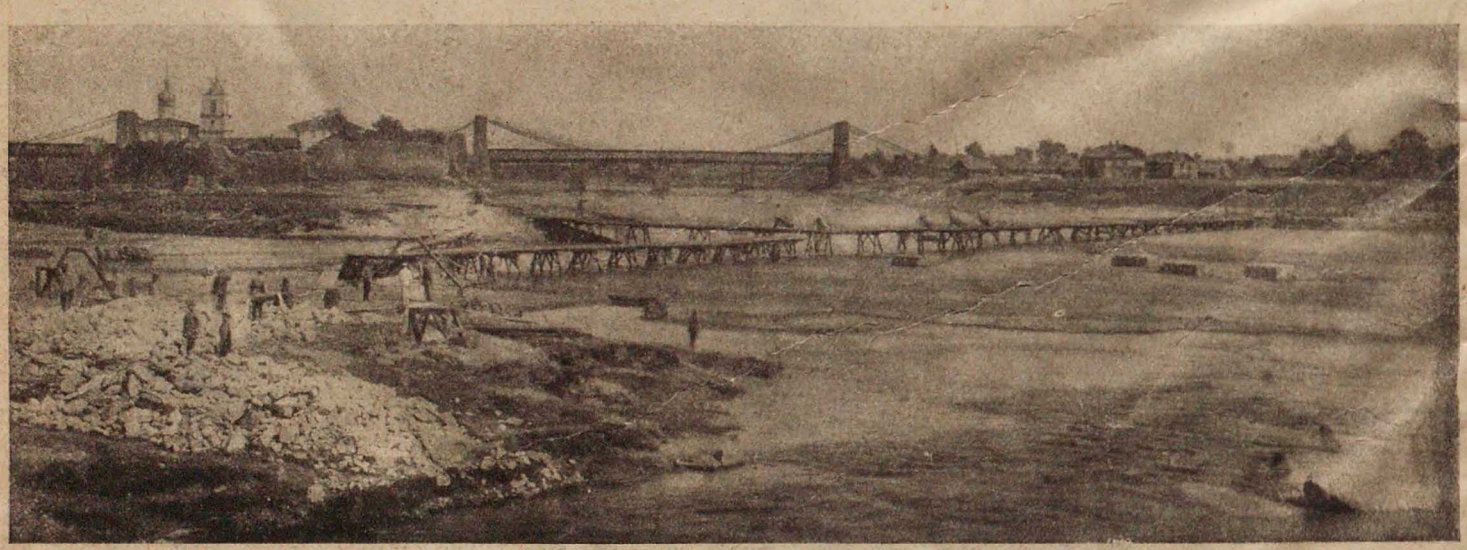
Наконец, терпенье крестьян истощилось, и почти одновременно в военных поселениях—и на севере, и на юге—вспыхнуло народное возмущение, загорелся бунт. Конечно, бунт был подавлен с ужасающей суровостью военной силой: до 2000 жертв пало в этой расправе.

В Грузинском парке, в памяти стариков крестьян до сих пор еще живет много колоритных кусочков этого проклятого прошлого, и было бы очень кстати, к столетию аракчеевского завещания об Александре «Благословенном» зафиксировать в отдельной книжке эти ужасы, от которых нас отделяет одна только сотня лет.

Л. Василевский.

Электрификация на окраинах.

От Островского корреспондента «Огонька».



Общий вид работ на плотине гидро-электрической станции на реке Великой.

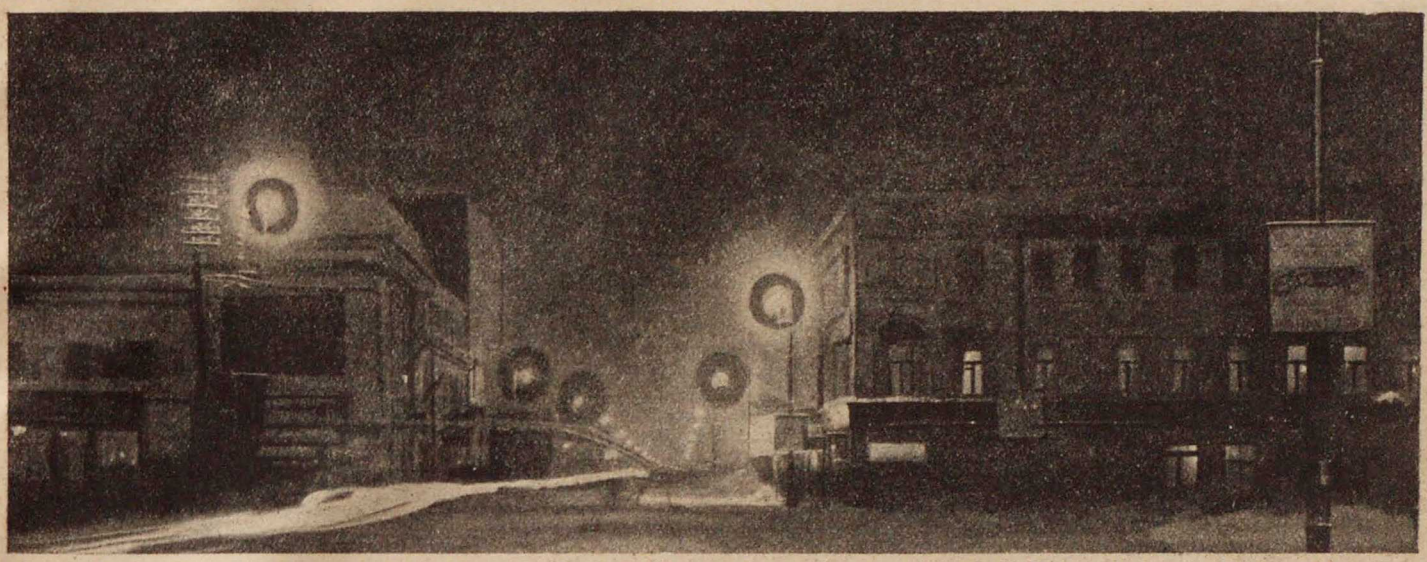
ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

Цена отд. №—15 коп. „Огонек“ В месяц—50 коп.

МОСКВА НОЧЬЮ.

Фот. В. П. Микулина



С 1 сентября возобновляется электрическое и газовое освещение улиц Москвы. На нашем ночном снимке—часть Страстной площади и Тверская ул.

УТОПИЯ.

Рассказ *С. Вашенцева.*

I.

Нескладное это животное—петух. Вот, говорят, точность его лучше часов мозерских. Никак этому невозможно поверить. Часы, скажем, мои десятый год служат, и по ходу—Германия или там Америка. Достались, кроме всего, они мне дешево. У барина на трамвае я их отцепил. Так вышло складно, что ни он не заметил, и я с часами Мозер на 14 камнях.

А петух зря поет.

Вторым петухам когда, спрошу, петь? В третьем часу е иначе: по должности людей будить. Только больше это для деревни. В городах зачем петухов держат—не пойму.

Поет он вот сейчас и врет. В третьем часу, говорю, надо, а сейчас по моим 12 часов и 45 минут по полуночи. Есть это непорядок. Феодализм, я так полагаю, это—держать петухов в городах.

Собрал я сегодня всех наших. По часам моим без пяти в час, а ежели по петушиному крику—получается ошибка.

Митя Желудь пришел. Андрей Крыжов. Яшка Слюна. Никита. Петр Хромой. Надька Гусыня. Ваня Тамышин.

— Зачем, говорят, ты скликал?

— Мысль у меня есть, отвечаю. Совета нужно. Вроде утопию хочу показать.

И им излагаю так: состою я в ворах с 13 лет. И как по справедливости всегда честно и полюбовно. Никого чтобы обидеть ударом. Отдай и иди—вот какой я. Думу при том же таил с измальства. Гудела эта дума во мне, как шлепень—наружу просилась. А я не пускал. — Молчи, говорю, дура. Поторопишься — ничего путного не выйдет.

Дохожу в таком виде до седых волос. Пятьдесят один мне теперь. Больше, выходит, не могу. Обнаружение требуется.

Теперь спрошу. Справедливо живем, как Лев Николаич Толстой велел? Враки. Загубляем жизнь по невежеству культуры. Полагаю я в мыслях, что это от начальства все—низвержение человека. От властей. И хочу по плану. Пункты у меня есть, чтобы без начальства постройку жизни соорудить.

Ванька Тамышин на мои такие слова говорит:

— Анархизм это, дядя Дыня!

Я ему:

— Нашелся умен, а пришел последним. Что же не знаю я твово анархизма. Экось. Хошь бы и анархизм—какое в том дело, коль я его по-своему удумал. Умен, говорю, больно.

Ванька засмеялся, а мне обидно очень.

— Министр, говорю, и есть. И линия значит министерская. Да сгнило.

Ванька тут кладет руку за пазуху и кричит:

— Ножа захотел. Сейчас...

Я как есть в сторону, а все вскочили.

Ленинские уголки в жилищных т-вах.

Фот. С. Алмазов-Маневич.

До сих пор все наши общественные начинания группировались около предприятий и учреждений. Т. обр. целый ряд категорий—безработные, домашние прислуги, рабочие и служащие мелких предприятий оставались в стороне от общественной работы. 10-го августа состоялось открытие Ленинского уголка в Москве в доме № 2/3 по Таганскому проезду. Редакцией «Жилищного Товарищества» совместно с 10-м отделом пионеров было принято культурное шефство над детьми дома.

БИБЛИОТЕКА „Огонька“

АДОЛЬФ РИФЛИНГ

НОВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

(ПЕРЕВОД С РУКОПИСИ)

МОСКВА
Изд. „МОСПОЛИГРАФ“
1924

Одна из книжек библиотеки „Огонька“, которая выйдет в сентябре с. г. Книжки Библиотеки „Огонька“ будут выходить еженедельно. Подробности—см. об'явление на 14 стр. настоящего номера

Сказать тут, что Ванька сын министра бывшего. Папаша его по внутренним делам состоял. Да убили, а сынок вот у нас. Прозвали было его сначала Министром. Он за это прозвище одного ножом. С тех пор побаиваются—не зовут.

— Утопия моя, говорю, есть человекоспасение в пунктах. Враг человек себе, а человеку лютейший враг и недруг — власть. А того не намечено, как с властью поступить. И тоже Лев Николаич, такая голова — земной шар, не додумал, как разрешение вопроса произвесть, что с моей точки есть минус. А по-моему, говорю, по пунктам. Ежели по первому, то разделение властей от народа.

По пункту первому—отчего это мир торчком? К начальству которые люди предрасположены,— от них. Тут их хоть убей—а корней пагубных не вынешь. Как есть меж зверей лев, и есть заяц. Бактерия такая в животе у них—инфузор. Которые доктора искали, брюхо кромсали, а нет. Бросили. Не найти, говорят, зря прорвемся.

Я то скажу, не там рылись. Бактер этот никак не в животе; кроется он в правом бочку, пониже живота. Сон мне был такой. Приходит ко мне человек светлый.

— Я, говорит, нашел, Дыня!

— Где, говорю.

— В самом нежном месте.

И скрылся тогда же. А самое нежное место, известно, пах.

Хотел к доктору итти, да думаю—все равно не найдут. Наука тоже сказать, извините.

Решение мое по пункту второму. До тех пор праведной жизни не будет, как скажут люди властям:

— Вы по себе живите, а мы по себе. Есть в вас червяк-инфузор. Мы это понимаем, что обижены вы богом. Все-то вам рыпаться. А только мы от вас отделимся.

И еще скажут:

— Чтоб не сумлевались вы, господа хорошие, прокормление ваше берем на себя. И как автомобильное нонче время и, скажу прямо, аэроплановой, по уважению и аэропланы дадим вам и все. Словом сказать, живите по-прежнему.

И еще скажут:

— И дома, которые понравятся, берите. Учреждениев там всяких уделывайте по надобности. Мы ничего. Мы что ж понимаем, без эстово самого вам нельзя. А только, чтоб тихо это было; нас не беспокойте. Потому много нас; зайцами родились, баранами, коровами... Вместе все мы хотим, нам это сподручнее.

По пункту третьему настанет тогда Тернационал.

— Как ежели думаете по поводу, спрашиваю.

Хромой тогда мне:

— Насчет нашей профессии не сказано. Как будет?.

По разному, отвечаю. Коли кто к властям подручен—автомобиль получай. Больше которые у нас останутся—ну ее к шуту власть. Работать хотим. 38 лет я в ворах, а все-то думаю—плужок бы мне, соху—работать стал бы. От несправедливости в ворах. От праведной жизни не пойдешь. Мужичья во мне бактерия. А в ком рабочая—на фабрику ступай. А как с измальства вижу власть есть, начальство — не хочу. По карманам—моя власть. Пагуба это.

Ванька Тамышин—Министр—смеется опять.

Аулиэ-Атинская ярмарка.

Фот. Музафаров.

Павильон Госиздата, где продается для киргиз и узбеков туземная литература.

В СОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНЕ.

Фот. С. Красинского.

— Удумал,— говорит,—Дыня утопию, сам и утонет.

Я на него посмотрел и говорю ему серьезно:

— Иван, говорю, хоть и благородного ты происхождения, а по молодости глуп. Самая эта бактерия: инфузор в тебе сидит. Пощупай, говорю, ее в правой стороне в паху.

Иван больше не говорил, а Гусыня, подруга его, свое сказала:

— Я, говорит, дядя Дыня, не хочу твоей утопии. Вовсе я не овца, а праведная жизнь в сказках. Пойдем, говорит, Ванька. Пора. Часа два времени есть. Может, кого накроем.

Я вынул часы и ее поправил:

— Час, говорю, и 50 минут.

Как они ушли, входит тут еще один—Пашка Скворец.

— Угольки, говорит, дядя Дыня, тут рыщут. Кабы не накрыли.

— Чего они?

— Слышно, убийство какое-то. Думаю, говорит еще Скворец, что замешан в том министр. У него с Гусыней тут третьевось дело было. А какое не знаю.

— Не пора ли, говорю, тогда разойтись, коли начальство рыщет.

Пошли все, а потом я. Дождик на улице стрекотал. На осень похоже. Пошел было на угол постоять, подождать кого. Да утопия на ум пришла. Нашел навес, спать улегся.

II.

Ночь другая, ясная совсем ночь. День на второй должно после собрания нашего. Звезд этих самых, как ягод земляничных. Словом сказать—особенная ночь. Только для воров такие не подходят. Нам бы потемней, чтобы с тучами.

Гляжу — на бульваре Гусыня с Министром на скамейке сидят. Подсел к ним, а она меня толкает. «Молчи» дескать. Слышу разговор. Сидят тут же двое людей, и рассказывает один:

— Как говорю я тебе по дружбе. Увижу на улице нищенку похожую и бегу за ней. Денег ей сую; а она видит, денег я ей 25 или 50 тысяч вкладываю глядит, на меня боязливо— не подвох ли какой.

— Бери, говорю ей, на мать на мою ты похожа.

А тем мою мать разве заменю, что даю денег нищенкам. Больной я стал.

Другой его перебивает.

— Успокоиться надо. От смерти никто не уйдет. Тот опять:

— В том и дело, что не во время умерла. Кабы умерла она сейчас, когда у меня денег этих проклятых сколько... (Он ударил по своему карману; вижу я, что Министр Гусыню толкнул при этом). Несправедливость, Петр Алексеич, жизненная. В голоде умерла. А что мне с деньгами делать со своими, кабы я их на нее истратить мог. А тогда не было у меня на гроша. Был я в Красной армии. Без меня умерла. В отпуск приехал, а ее уж нет...

Другой человек поднимается, говорит:

— Мне пора, Федор Николаич.

И ушел. А этот остался.

Сидим там вчетвером. Гусыня вдруг ему говорит:

— Горе у вас. Не могу ли я его вам размыкать?.

Тот на нее посмотрел:

— Нет , говорит.

Сидим опять. Только человек тот на Гусыню нет— нет и взглянет.

— Кто вы?—спрашивает.

Она ему:

— Проститутка я. А жалко мне вас. У меня тоже мать умерла, как у вас я слышала, по бедности.

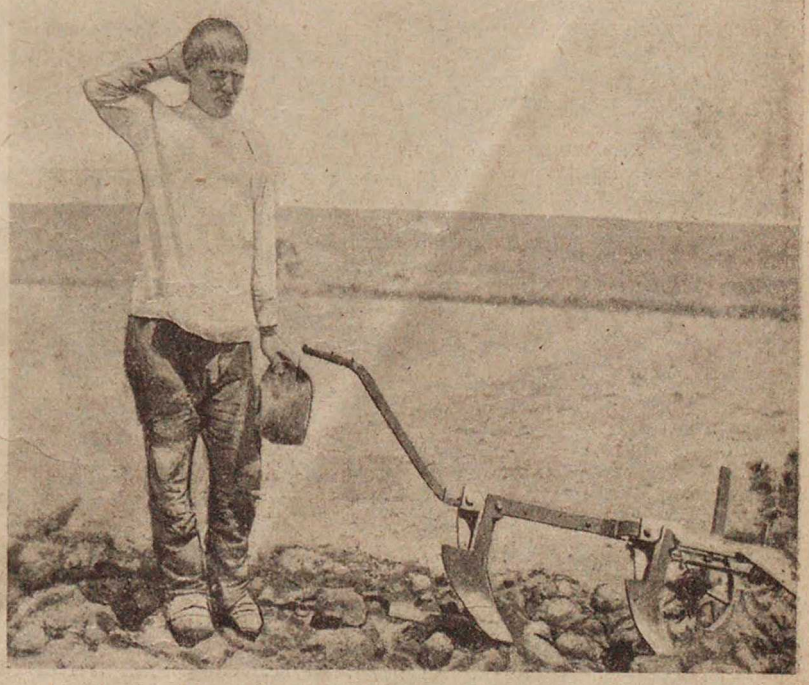
Он ей:

— Пойдем ко мне, денег я тебе дам, одежды, как вижу добрая у тебя душа.

Она поднялась, а перед этим Министра опять толкнула: я видел. Министр тоже поднялся и пошел сзади них.

III.

Темное будет дело, это я знаю. Допустить этого дела



Сельское хозяйство сейчас восстановлено на 80%, по сравнению с мирным временем. Деревня копит силы, укрепляет свое хозяйство, от трехполья переходит к многополью.

На снимках сверху: слева—Продажа кур на ярмарке; справа—За сохой. Посередине—Смотрят хлеба. Внизу—Жарко в поле.

Курорты СССР.

Фот. для «Огонька».

На Одесском пляже.

я никак не могу. И пошел за ними. Выследил до Леонтьевского, видел, как свет в 3 этаже вспыхнул.

«Здесь».

И побежал искать своих, чтобы смертоубийству помешать. Желудя и Хромого встретил:

— Министр, говорю, и Гусыня доброго человека убивают. Мать у него умерла. И дети, может быть, есть.

Они на меня с враждой этак посмотрели.

— Нам-то что? Их дело. Жрать нам нечего. Мы сами кого убьем. Жалеть чего. Нас небось никто не жалеет.

И злость у них вижу сильная.

В голову опять утопия моя прилезла.

— Отделение, говорю себе, от властей, а может это и не надо совсем и вредно: потому вот убьют, а кто помешает.

Решил я тут же в милицию итти, как допустить смертоубийства я не мог.

Вхожу.

Подхожу к дежурному столу. Сказать не знаю как. Агент тут же стоит. Видел я его раньше где-то. Может, когда отсиживал.

Он глядит на меня и милиционерам знак дает. Смотрю, они револьверы держат.

Он ко мне:

— Макаров—Дыня ты? Министра знаешь?

— Знаю, говорю, и по поводу пришел покушения. Потому воровать это можно, а убивать по Лев Николаичу нельзя.

— Ты, значит, знаешь, что убил он с Гусыней двух старух?

— Нет не знаю, а по другому совсем.

Он подходит ко мне и по скуле.

— Теперь знаешь?

Дежурный тут вмешался:

— Подождите, т. Кромкин. Он о другом деле каком-то. Какое дело?

Я им тут излагаю как на бульваре и адрес даю. Агент сейчас же с милиционерами туда.

А меня заперли.

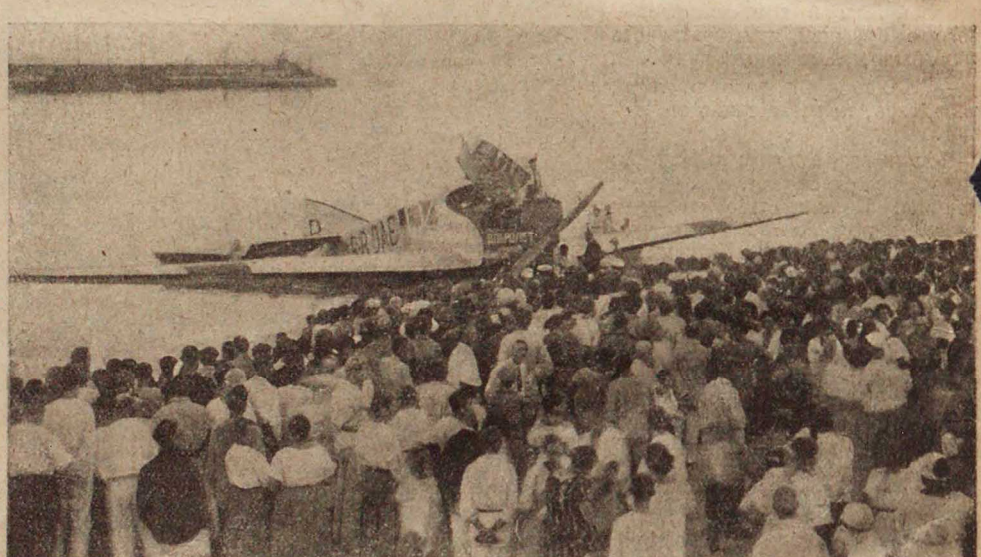
IV.

Милиционер мне сказывал:

— Пришли, а человек на диване валяется, И кровь вокруг. Ни Гусыни, ни Министра не оказалось. Опоздала, значит, милиция. Они и скрылись.

Постройка гидроплана на Черном море.

От Ялтинского корреспондента «Огонька».



Митинг, организованный Добролетом для встречи гидроплана, предназначенного для поддержания пассажирского сообщения по берегу Черного моря.

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЬКА".

Готовится к печати и с сентября начнет выходить первая серия книжек „БИБЛИОТЕКИ ОГОНЬКА".

Книжки будут выходить еженедельно, размером от одного до двух печатных листов.

По содержанию книжки „БИБЛИОТЕКИ ОГОНЬКА" будут подразделяться на четыре основных типа: 1 — **новая беллетристика** (оригинальная и переводная), 2 — **юмористические рассказы и повести** (русских и иностранных авторов), 3 — **документы эпохи и мемуары** и 4 — **наука**: новые путешествия, открытия, опыты.

В „Библиотеку Огонька" войдут новые произвед. лучших русских и иностр. авторов.

Цена отдельной книжки—15 коп.

Для подписчиков журнала „ОГОНЕК" 4 книжки—50 коп.

Норвежские футболисты в Москве

Фот. А. Тулеса.

В первый день встречи с норвежскими футболистами на поле, москвичи приветствовали гостей огромным букетом цветов. Матч окончился со счетом 9 : 0 в пользу москвичей.

— А Гусыня?

— Тоже не знаю. Ведь вот, говорю, какие кровоносные люди бывают. Дозвольте, прошу, товарищ агент, вам утопию мою рассказать, как к праведной жизни придти?

Агент меня не слушает и велит в камеру увести. Прихожу, там человек двадцать. Начал я им рассказывать. Они смеются. А которые серьезно:

— К бунту ты нас смущаешь. Знаешь, что за бунт к стенке полагается.

Приходят вечером милиционеры с ужином, а арестанты им, слышу, шепчут:

— Помешался, должно, у нас один. Старик вон тот. Болтает зря всякое...

Обиду мне тем по невежеству самую колючую наносят.

Вызывает меня потом агент:

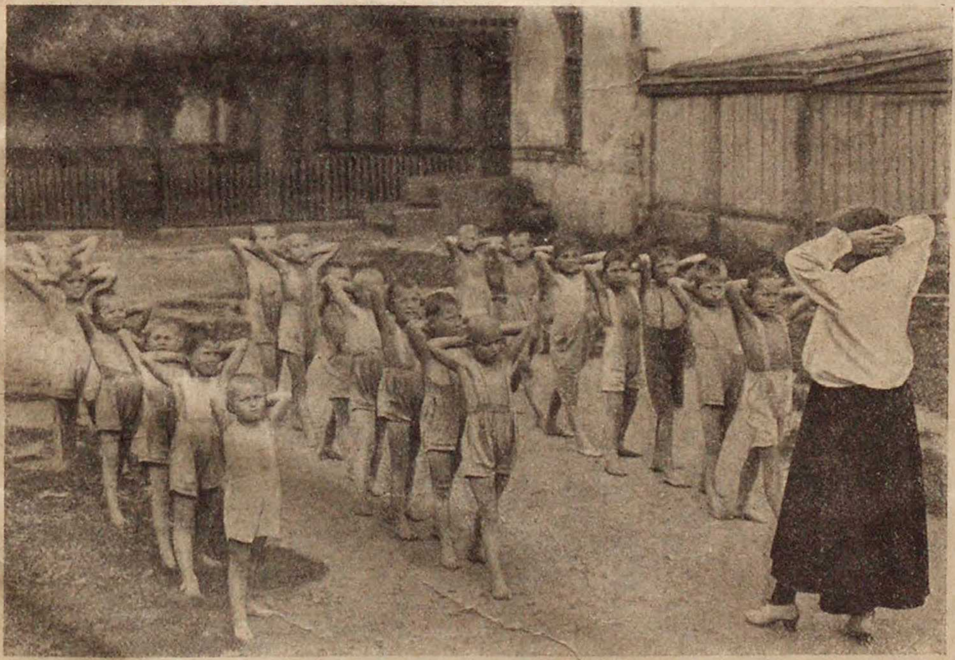
— Знаешь, где Министр находится?

— Нет, не знаю.

— Пойдем, говорят, отпуск тебе.

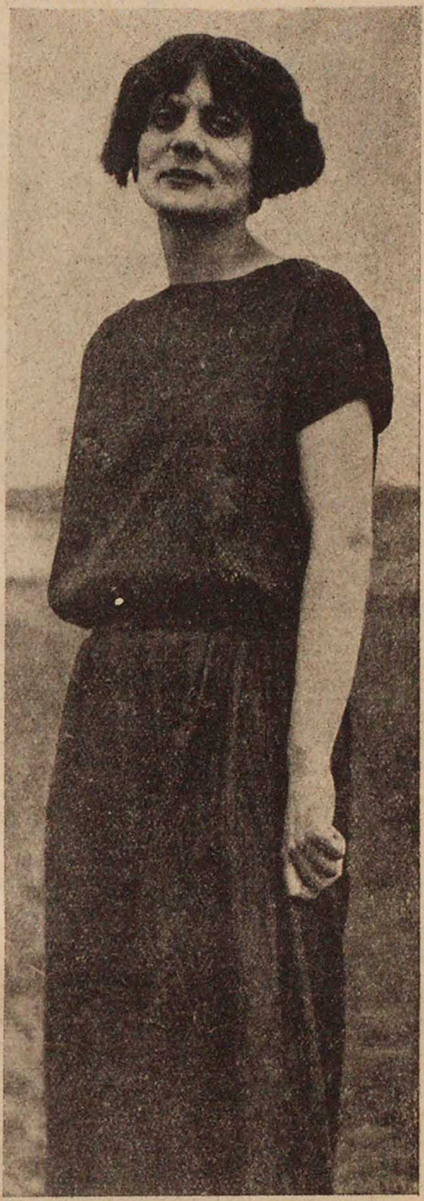
Посадили на извозчика, повезли куда-то. Я им по дороге тоже рассказывал.

Школа Дункан



Ученики школы Дункан на уроке пластики.

Ирма Дункан



Наиболее даровитая из учениц Айседоры Дункан—Ирма Дункан ведет работу среди пролетарских детей.

Они слушают, говорят:

— Хорошо, Дыня! Молодец!

И доктору потом рассказывал, и нянькам, и больным.

А потом думаю, что людям зря рассказывать. И как Лев Николаич положение жизни изменить не мог, то выходит люди—дрянь и навоз. Удумал я тогда рассказать твари бессловесной—птицам и иным домашним зверям и насекомым.

Выбил окно и кричать громко начал, как праведную жизнь учинить надлежит.

Меня тут от окна отволокли и били. Очень меня били. А за что—не знаю?

С. Вашенцев.

Радио-телефон на службе Советской печати.

— Алло, Алло!...

— Говорит Центральная Радиотелефонная станция имени Коминтерна!..

— Слушайте, радиостанция Роста от № 1 до № 20...

— Настраивайте, записывайте!..

— Лондон, 14. Макдональд—Эррио... Советская делегация... договор...

Дважды в день, в точно определенные часы, электромагнитные волны разносят такие возгласы из Москвы по всему необъятному пространству Советской земли.

Эти волны долетают также до редакций газет центрального района, в помещениях которых установлены радиотелефонные станции специального назначения.

Таких станций двадцать,—в радиусе до 600 верст вокруг Москвы.

Замыкает этот круг с севера—Вологодский «Красный Север», с юга—«Курская Правда», с запада—«Псковской Набат» и с востока—«Нижегородская Коммуна».

Все газеты этого района снабжены Ростой радиотелефоном.

Тут и Орехово-Зуевская «Колотушка», и Серпуховский «Набат», и Тульский «Коммунар», и Иваново-Вознесенский «Рабочий», и многие другие.

В один и тот-же час, в одну и ту-же минуту сотрудники всех этих двадцати газет вооружаются бумагой и карандашами, надевают двуухие телефоны и начинают настраиваться.

Настройка очень простая.

Взгляд под стол на аккумуляторы быстро удостоверяет, что вольтаж для усилительных ламп вполне достаточный. Одной рукой газетчик-слухач дает усилительным лампам правильный накал, а другой поворачивает головку конденсатора для получения максимальной чистоты звуков.

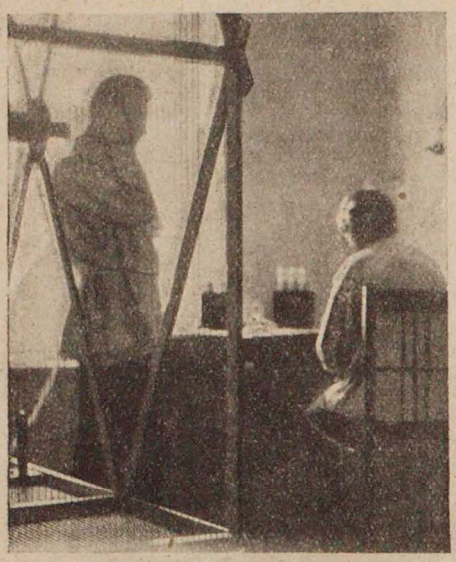
Настройка готова.

И двадцать карандашей одновременно выводят:

— Лондон, 14. Макдональд... Эррио... Советская делегация... договор... компартия... и. т. д.

РАДИО В РЕДАКЦИИ.

Фот. В. П. Микулина



Сотрудники редакции «Нижегородской Коммуны» принимают по радиоприемнику материал, ежедневно передаваемый Роста с Московской центральной радиотелефонной станции имени Коминтерна.

2000 слов живой, свежей информации ежедневно.

«*По радиотелефону из Москвы*»,— под таким заголовком эта информация появляется на страницах всех 20-ти газет Центрального Района.

— У нас теперь такая-же свежая информация, как и у «Правды»,— радостно заявляет редактор «Колотушки».

А Богородский «Голос Рабочего« приглашает своих читателей:

— В ближайшее воскресенье зайдите в редакцию послушать радиоконцерт из Москвы.

* * *

Это сегодня. А еще лишь вчера телефонисты Роста надрывались:

— Межгородная Станция?! Барышня, дайте мне Орел! «Орловскую Правду»!

— Что?! Телефон не работает? Ремонт линии?.. Дайте Тулу—«Коммунар»!

— Тула, записывайте! Лондон, 14. Эррио... Макдональд... Советская делегация....

— Что?! Не слышно? Линия шумит? Придется по телеграфу. До свидания, товарищ!

В другой будке телефонист, как горохом, сыплет очумелой стенографистке «Нижегородской Коммуны» со скоростью 80 слов в минуту:

— Эррио... Макдональд... Советская делегация...

Их было 8,—восемь будок, восемь телефонистов,—и двадцать газет, алчущих жаждущих информации, да поскорей, да посвежей.

А надо всем этим царствовала «межгородная» барышня:

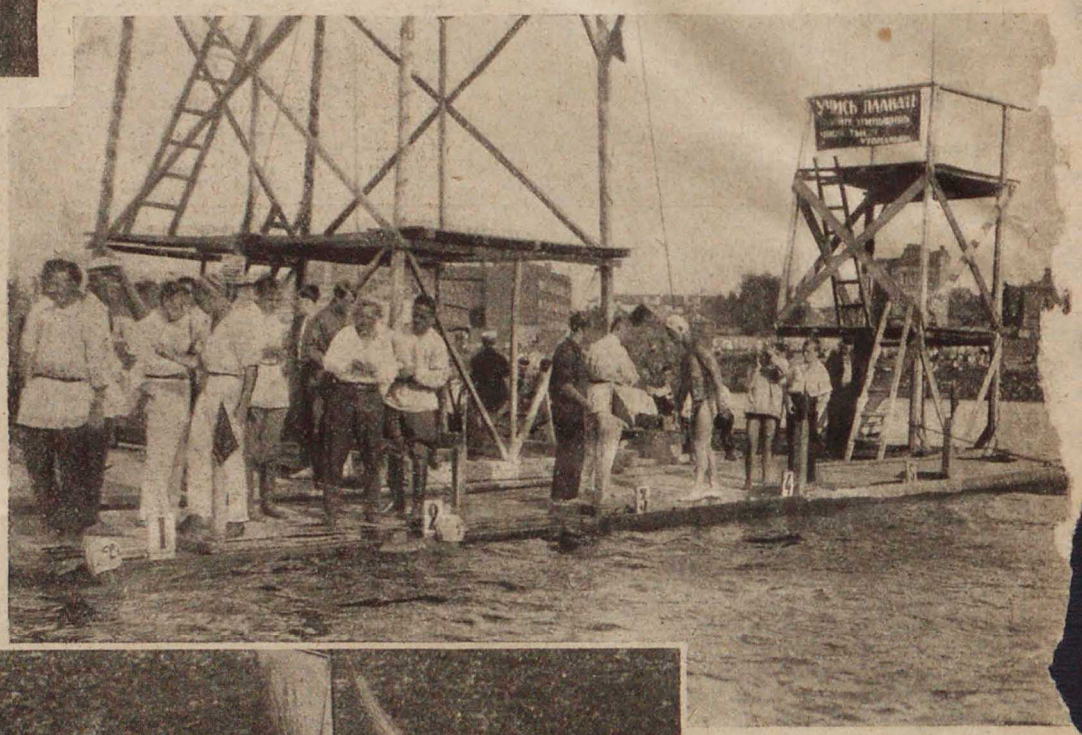
— Провод занят... провода ремонтируются... *шум* на линии.

* * *

Теперь уже по иному. Часть телефонных будок заколочена, в других хранятся

СПОРТ

Фот. С. Красинско.



запасные аккумуляторы и усилительные лампы для радиотелефонов.

Телефонисты залечивают свои горловые связки. Лишь один из них, наиболее живучий, наиболее горластый, гордо восседает на радиотелефонной станции имени Коминтерна и посылает в рупор:

— Радиотелефонные станции Роста от № 1 до № 20! Настраивайтесь! Записывайте!....

И пишут. 20 карандашей. Дружно, по команде.

Радиотелефон на службе советской печати. В этом заслуга и Роста, и всех газет центрального района, преодолевших косность и консерватизм и дружно откликнувшихся на призыв о радиотелефоне.

Но больше всего в этом заслуга Электротреста—завода слабого тока, предоставившего для газетных радиостанций все то лучшее, что имеется в настоящее время в радио-технике.

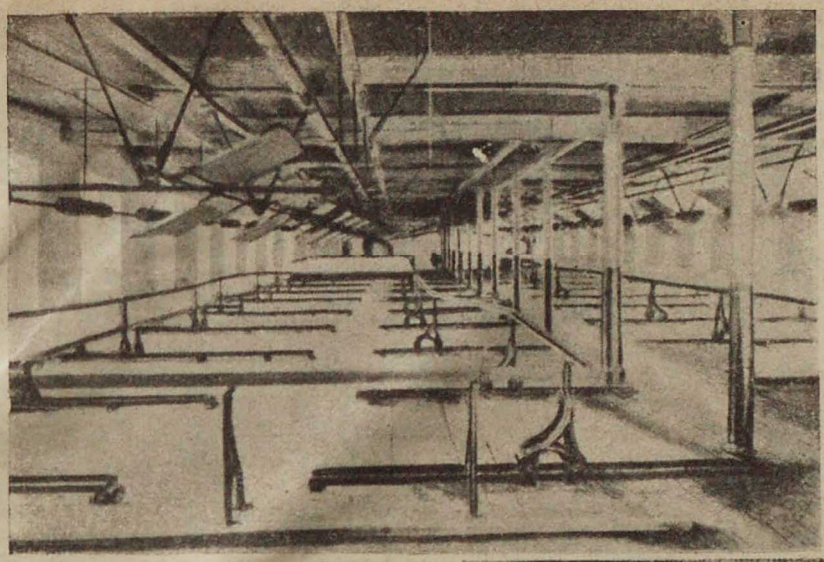
А. Кол

1) Первенство СССР по водному спорту. На старте состязания в плавании.
2) Члены профсоюзов готовятся к посадке на лодки в день чествования английских рабочих.

Издатель *„Мосполиграф“*. Редактор *Мих. Кольцов.*

РЕДАКЦИЯ: Москва, Тверская, Благовещ. пер., 3. Тел. 86-87. ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Тверская. 48. Тел. 4-80-03. Бюро об'явлений—тел. 3-91-46 ЭКСПЕДИЦИЯ—41-38. Телеграфн. адрес «Москва, ОГОНЕК». Тариф об'явл.: 1 стран.—40 чер., 1/2 стр.—20 чер., 1/4 стр.—10 чер. 1 строка нонп в 1 кол.—60 коп. На обложке—на 50% дороже. Среди текста—в 2 раза дороже. Сверх тарифа—15% налога. ГЛАВНАЯ КОНТОРА открыта с 9—3 ч ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: На „Огонек“ вместе с „Библиотекой Огонька“: на 1 мес.—1р., на 3 мес.—3 р., на 1/2 года—5 р., на год—10 р. На „Огонек“ бе „Библиотеки Огонька“: На 1 мес.—50 коп., на 3 мес.—1 р. 50 к., на 1/2 года—3 р., на год—5 р. За границей: на 1 мес.—35 сент., 1 экз.—10 сент. или в переводе на соотв. местн. валюту. С „Библиотекой Огонька“—вдвое. Подписка на «Огонек» принимается во всех почт.-телегр. учрежд. и во все отделениях и агентствах Госбанка.

Москва. Главлит № 25704. „Мосполиграф“. 16-я типография, Трехпрудный, 9. Тираж 87.000 экз.



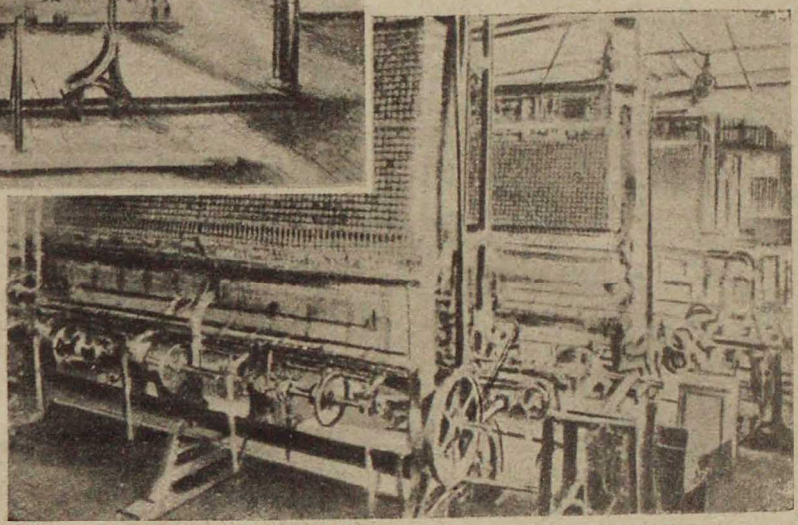
Рама: длина 48 арш., ширина от 146" до 244".

ния рабочих, постановка спектаклей силой местного драматического кружка, духовой оркестр библиотека, ликвидация неграмотности, школа полиграмоты, физкультура среди молодежи, санячейка при охране труда в работу которых привлекаются сами рабочие, говорят о нормальной и правильной работе местных организаций. Регулярно выходит стенная газета «Прожектор», широко освещая как внутреннюю жизнь предприятия, так и общие, как политические и хозяйственные вопросы Республики. Взаимоотношения заводоуправления с ячейкой РКП и фабкомом нормальны и определяются взаимной работой как по улучшению производства, так и общей жизни ф-ки.

Трест со своей стороны приходит на помощь местным организациям.

Ленинский набор дал сорок человек от станка.

Состав ячейки 70 человек.



Навоев от 2 до 32. Кусок в 48 арш. вырабатывает в 1 день. Ширина маш. 160"—212". Катушек 2240. Класс 9—14 нит. а 1". Полос в среднем 28—352. Пряжа 80/2, 60/2, 70/3 50/3, 40/2, 30/2, 20/2 и 14/3

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЛЕЧЕБНИЦА
ВРАЧЕЙ СПЕЦИАЛИСТОВ

Мясницкие ворота, 28, трамваи: А, В, 4, 34, 1, 21, 22, 6, телеф. 1-89-93 (один восемьдесят девять девяносто три).

Внутренние . . .	с 9—9 ч.	Женская гонорея	с 12—9 ч.
Детские	» 9—7 »	Желудочные и внутр. секреции	с 10—1; 7—9 »
Нервные и душевные	с 10—11; 3—5; 6—9 »	Глазные (подбор очков)	с 10—2; 4—9 »
Венерические и сифилис	» 9—9 »	Хирургические . . .	с 9—9 »
Мочеполовые	» 10—9 »	Уха, горла и носа . . .	» 10—9 »
Кожные	» 10—8 »	Туберкулез легк. .	с 10—12; 2—7 »
Женские и акушерство.	» 10—9 »		

ЗУБОВРАЧЕБ. ОТД.: лечение, пломбирование, удаление зубов и все виды технических работ. Хирургия полости рта.

РЕНТГЕНОВСКИЙ И ЭЛЕКТРОЛЕЧЕБН. КАБИНЕТ: снимки, просвечивания лечен. болезней кожи и др. лечение электрич. (все виды), светом и пр.

АНАЛИЗЫ: крови (Реакция Вассермана Сакс Георги и проч.), мочи, мокроты, кала, желудочн. сока и др.

КОНСУЛЬТАЦИЯ ПРОФЕССОРОВ.

По всем специальностям по предварительной ежедневной записи

По воскресеньям и праздн. прием больных с 10—4 час.

Вызов врачей на дом по всем специальностям

Рекомендуется ВСЕМ.

Рекомендуется ВСЕМ.

Всемирно-известная „Imsha" Американская косметика

„ИМША МЕТАМОРФОЗА"

ПРОТИВ ВЕСНУШЕК И ДЛЯ БЕЛИЗНЫ И НЕЖНОСТИ КОЖИ.

Продажа в аптеках, магазинах санитарии и гигиены и кооперативах.

При отсутствии в какой-либо местности предметов нашего производства вышлем на сумму не менее 5 руб. почтой наложенным платежем, при получении задатка в размере половины стоимости.

Розничная цена: КРЕМ больш. банка 1 р. 50 к., мал. банка 1 р. — к
МЫЛО больш. кусок 75 к., средний кусок — р. 50 к.
ПУДРА больш. кор. 1 р. 50 к., сред. коробка 1 р. — к.

„АМЕРИКЭН-УНИОН" Москва, почт. ящик 600

ЗАОЧНАЯ ПРАКТИЧЕСКАЯ ШКОЛА КУРСОВ
„ПОЛИГЛОТ"

существует с 1917 г. ❁ Ростов-на-Дону, Б. Проспект, 37.

НАШ МЕТОД ГАРАНТИРУЕТ УСПЕХ. Наши заочные курсы „ПОЛИГЛОТ" коммерческих наук и стенографии будут особенно оценены лицами, не имеющими возможности посещать специальн. курсы, живущими вдали от больших крупных центров. Но они для всех доступны как жителям города, так и деревни. Благодаря нашей заочной системе школа приходит к ВАМ НА ДОМ

Мы обучаем везде, где только имеется почта.

ПРЕДМЕТЫ ПРЕПОДАВАНИЯ: бухгалтерия, коммерческие вычисления, торгов. корреспонденция и делопроизводство, стенография и др. спец. прикладн. коммерч. науки. Занятия производятся посредством переписки по почте.

Подробные конспекты, программы и условия высылаются за 10 коп. золотом почтовыми марками.

ЕВПАТОРИЯ (Крым)
САНАТОРИЙ-ПАНСИОНАТ
1-го коллектива врачей при МОСГИКО

(ул. 25 Октября, угол 1-й линии, д. № 6).

Сезон с 15-го мая по 1-е октября.

Справки и запись производятся в лечебнице коллектива (Маросейка, М. Златоустинский, 2) ежедневно от 1 до 3 и от 6 до 8 кроме праздн. дней. Телеф. 5-87-98.

№ 06895

ВОЛЖСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕЧНОЕ ПАРОХОДСТВО.

Почтово-пассажирское и товаро-пассажирское движение паротеплоходов по р. р. Волге, Каме, Оке, Вятке, Белой, Москве, Ветлуге, Унже и Суре.

Перевозка грузов как на товаро-пассажирских паротеплоходах, так и на баржах, баркасах и др. специальных судах под буксиром паротеплоходов; буксировка всякого рода судов и плотов; хранение грузов на собственных складах; страхование грузов через Госстрах в пути следования, на складах и на стоянке; перевозка грузов в прямом смешанном Волжско-Каспийско-Черноморско-Азовском железнодорожно-водном сообщении; прием товаров на комиссии и исполнение всевозможных поручений грузоотправителей; транспортирование грузов гужем по поручению клиентов; выдача ссуд под сдаваемые к перевозке или на хранение грузы.

Для привозимых на Нижегородскую ярмарку и вывозимых с нее на судах Госпароходства нижеперименованных грузов устанавливаются следующие льготные тарифы:

1. На ввозимые на ярмарку из Персии, Средней Азии и с Кавказа по всем направлениям: а) шерсть, сырье, шелк-сырец, коконы, кожи невыделанные, меха, вина виноградные, масла растительные, рис и сухие фрукты—расчет за перевозки производится со скидкой десяти процентов (10%) с действующих речных тарифов; б) хлопок, каракуль, мерлушка, овчины и козлины, гумми, драган, камеди, кепар, корень солодковый, рухлядь мягкая, щетина, кишки, опий, орешки чернильные, вещества дубильные и самшит—расчет за перевозки производится со скидкою тридцати процентов (30%) с действующих речных тарифов.

2. На вывозимые с ярмарки по всем направлениям в Персию, Среднюю Азию и на Кавказ: сахар, спички, продовольственные изделия (стекло и стеклянные изделия), ткани бумажные, мешки, железо, изделия скобяные, посуда, бумага и изделия бумажные, парфюмерия, галантерейный товар, мыло всякое и электрические принадлежности—расчет за перевозки производится со скидкою тридцати процентов (30%) с действующих речных тарифов.

3. Хранение ярмарочных грузов на складах Госпароходства: а) в Москве до отправления водой на ярмарку—бесплатное; б) в Нижнем-Новгороде для всех вообще прибывающих на ярмарку грузов с 1 июля до открытия ярмарки—бесплатное, с открытия же ярмарки—в размере 50% установленной по тарифу нормальной платы за хранение.

Срок действия настоящих льготных тарифов устанавливается для ввозимых на ярмарку грузов с 5 июня по день закрытия ярмарки и для вывозимых с ярмарки грузов со дня открытия ярмарки до 15 октября 1924 г.

ПРАВЛЕНИЕ ВОЛЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕЧНОГО ПАРОХОДСТВА:
Нижний-Новгород, Кооперативная ул., д. 12.

ТРАНСПОРТНЫЕ КОНТОРЫ:

В Ленинграде—Проспект 25-е октября, д. 81.
В Москве—Мясницкая, 16.
В Н. Новгороде—Софроновская пл., д. 32.
В Баку—ул. Свободы, д. 4.
В Екатеринбурге—ул. 9 января, д. 35.
В Оренбурге—Введенская ул., д. 48.
В Уральске—ул. Красноармейская пл. и Благодарновской ул., д. 2.

Издательство „Мосполиграф" **БЮРО ОБ'ЯВЛЕНИЙ** Москва, Тверская, 48. Тел. 3-91-...8 и 4-80-08.